

ОДИН ДЕНЬ ИЗ ЖИЗНИ ЛИТЕРАТУРНОГО ИЗДАНИЯ • Работы победителей конкурса

Владимир Зюскин • Игорь Скориков • Алиса Горислав • Татьяна Жихарева
Анатолий Шутый • Олег Селедцов • Алексей Клинин • Сергей Рупчев
Александр Савостьянов • Соня Пучкова • Иван Федулов

ЛИТРА №4

Дайджест произведений современных авторов

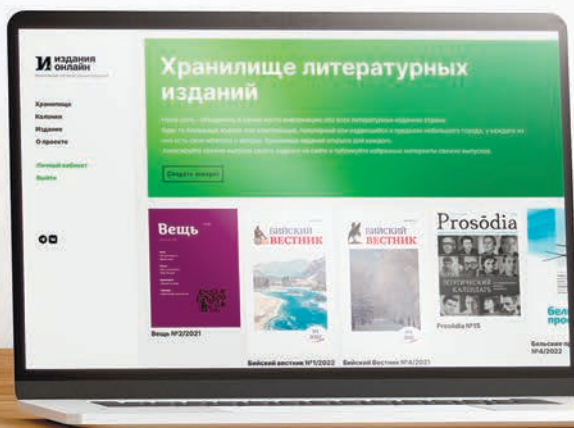
Пономарёв Александр

Бездарь

И издания
онлайн

Хранилище литературных изданий

izdaniya.online

ЛИТРА

№4

Дайджест произведений
современных авторов

Главный редактор:

Антон Гулякин

Редакционный совет выпуска:

Наталья Тебелева

Виктория Щепановская

Иллюстраторы:

Алина Рагель

https://instagram.com/a_rtlina/

Трофименко Оксана

https://behance.net/Oxanka_art

Анастасия Аветисян

[https://illustrators.ru/users/](https://illustrators.ru/users/nastasya-avetisyan)

[nastasya-avetisyan](https://illustrators.ru/users/nastasya-avetisyan)

Шаркова Евгения

[https://illustrators.ru/users/](https://illustrators.ru/users/shagero-alled)

[shagero-alled](https://illustrators.ru/users/shagero-alled)

Михаил «TOONZ» Болотов

<https://illustrators.ru/users/bolotov>

Ольга Алехина

https://t.me/dnevnik_iz_tumana

iuliakuninaa

<https://vk.com/iuliakunina>

Почтовую рассылку осуществляет редакция. Оставить заявку на приобретение нового номера можно на сайте litra.online

Сайт:

litra.online

Телефон:

8 (999) 206-13-55

E-mail:

litra@litra.online
(для любых вопросов)

Подписано в печать

27.08.2022 г.

Тираж 200 экз

Отпечатано в издательско-полиграфической фирме

«Реноме»

192007, Санкт-Петербург,

наб. Обводного канала, д. 40

В дайджесте собраны произведения авторов, публикующихся на сайте litra.online. Все авторские права на публикуемые на сайте произведения принадлежат их авторам и охраняются законом. Перепечатка произведений возможна только с согласия его автора. Ответственность за публикуемые произведения авторы несут самостоятельно на основании законодательства РФ.

Иллюстрация на 1
стр. обложки: Михаил
«TOONZ» Болотов

4

ПРОЗА

Кассиопея
**Мальчик с синдромом
Бога 4**

Игорь Скориков
Па... 7

10

СТИХИ

Алексей Борычев **10**
Анатолий Шутый **17**
Александр Серб **21**
Очень Аккуратно **22**

38

ПУБЛИКАЦИЯ ЗА БАЛЛЫ

Публикации авторов сайта
litra.online

Александр Савостьянов **38**
Шилько Аделина **40**

Ева Новак
Не в этот раз 43

24

ОДИН ДЕНЬ ИЗ ЖИЗНИ ЛИТЕРАТУРНОГО ИЗДАНИЯ

Работы победителей
конкурса рассказов

Дмитрий Инженеров
**Первый и последний
день в редакции 24**

Вадим Сергеев
В издательстве 27

Алиса Горислав
Нулевой номер 28

Пономарёв Александр
Бездарь 35

45

ВХОДЯЩИЕ

Публикации авторов,
которые присылают свои
тексты на почту редакции

Селедцов Олег

48

СТИХИ

Сергей Рупчев **48**
Алексей Клинин **52**
Владимир Алесковский **53**
Иван Федулов **54**
Дмитрий Рахмилов **55**

60

ПРОЗА

Соня Пучкова
**Чувствительный
фотограф 60**

Лана Никонова
Боевое крещение 62

Инга Полякова
**Нос (глава из романа
Горбуны) 66**

Татьяна Жихарева
Сахарная история 69

74

ЭССЕ

Владимир Зюськин
**Башня из слоновой
кости 74**

81

ПРОЗА

Сергей Дорохин
**Любовь, коварство и не
только 81**

86

ДНЕВНИК

Настя Рустамова

88

КРОССВОРД С
ФРАГМЕНТАМИ

90

КИНО

Кассиопея

Мальчик с синдромом Бога

Серость, слякоть, сырость, смрад. Это всё, что можно сказать о маленьком городишке на юге севера России. Учёбы нет, работы нет, из развлечений — разве что считать ворон, сидящих чёрной полосой на толстых громких проводах линий электропередач. Сколько так продолжалось и будет продолжаться — никто не знает.

Вот и он, сидя в парке, если так, конечно, можно назвать лесополосу с тропинкой и одной скамейкой, вновь пересчитывал чёрных птиц, что лишь изредка заглушали своим криком шум текущей по проводам информации.

Информация испокон веков сопровождает человечество. Стремление к знаниям есть стремление к жизни, к эволюции. Тот, кто владеет информацией — владеет миром. Таковы жизненные убеждения нашего героя.

«Тот, кто решил, что невозможно знать всё, вероятно, просто был очень глуп. Ведь у всего сущего есть конец, и если информация и существует, её можно узнать всю. Вопрос лишь в том, сколько времени на это уйдёт...» — размышлял он, отвлёкшись от пернатых. И действительно — чем ещё заниматься в этом захолустье, кроме как познавать информацию, наблюдать и созерцать.

Так и началось рождение нового Бога. Он решил поставить эксперимент над собственным сознанием — путём долгого поглощения информации привести его, то есть самого себя, в состояние некоего божества, всеведущего и вездесущего.

Каждый следующий день его состоял из нескольких пунктов — задач, которые он поставил себе самостоятельно, без выполнения которых цель явно осталась бы неосуществимой мечтой. Первой составляющей являлось получение информации в довольно сжатом объёме. Дальше шла фильтрация по степени полезности, например, название проволоки для шампанского — мюзле, не является полезной информацией, так как не несёт в себе особого практического применения, то есть ветвь знаний заканчивается на этом, а вот принцип работы электростанций — информация чуть полезнее, так как если копнуть глубже, можно узнать принцип их создания, идею самого электричества и множество фундаментальных законов физики. Это и есть третий шаг — «копнуть глубже» для получения большего объёма информации. Четвёртый — переработка и переосмысление всей полученной информации, так сказать, «разложить всё по полочкам», и со спокойной душой и разумом отправляться в следующий день.

Таким образом, каждый день состоял из того, чтобы получить, отфильтровать, «копнуть глубже» и «разложить по полочкам» имеющуюся информацию.

Ох, как же рада была его мать. Некогда безрассудный ленивый мальчик, который никогда не блистал своим умом, внезапно стал прилежным учеником, погрузившись в учёбу с головой. По крайней мере, так это выглядело в её глазах.

Но через некоторое время, примерно пару лет, непрерывного обогащения знаниями, полезная информация в открытом доступе закончилась. Оказалось, что не так уж и много доступно простому человеку. Но он уже не был простым человеком. К этому моменту он уже хорошо разобрался в программировании и мог без труда взламывать какие-либо секретные архивы или платные библиотеки. Но и этой информации хватило ненадолго...

Спустя ещё год, сидя на той же скамейке в том же парке, перед нами предстаёт уже совершенно другой, но всё ещё человек. Мягкие кудрявые волосы отросли практически до лопаток; некогда мяг-

кие щёки опали, образовав острые скулы; и без того угловатая фигура стала совершенно острой; длинные тонкие пальцы нервно стучали по трухлявой доске скамейки; но что осталось прежним, так это блеск в тёмных глубоких глазах. Он занимался привычным делом — размышлял. Ничто и никто в этот момент не могло отвлечь его и вывести из некоего информационного транса.

Если представить информацию в виде круга, определяющего кругозор, то можно прийти к некому парадоксу. Чем больше мы знаем, то есть чем шире кругозор, тем больше мы не знаем. Этот эффект создаётся за счёт того, что периметр — граница «круга знаний» увеличивается вместе с их объёмом, и мы видим, что за этой границей намного больше, чем внутри неё. Для более наглядного объяснения приведём пример с окном. Представьте, что всю свою жизнь вы живёте в одной комнате и ни разу её не покидали. Если ваше окно крохотное, то вы видите очень маленькую часть внешнего мира, и вам кажется, что внутри места намного больше, чем снаружи. Но чем больше становится окно, тем больше через него можно увидеть, и тем более крохотной кажется комната с этим окном. Но этот парадокс никоим образом не останавливал нашего героя — наоборот, лишь добавлял интерес. Он всё ждал, когда уже окажется «на самом краю круга знаний», ждал, когда сможет почувствовать себя настоящим Богом.

Уверенным шагом направляясь к собственной цели, он спокойно пренебрегал едой, водой, сном, ведь тело — лишь оболочка, совершенно божеству не нужная. Его стали преследовать нервные тики, психозы, галлюцинации, обострились слух и обоняние, так что звук текущей по проводам информации с каждым днём становился всё громче.

И вот, в один весенний, а может и осенний, ведь счёт времени потерялся ещё на середине второго года, вечер, вновь сидя на той самой скамейке, он поймал себя на мысли, что с ним кто-то говорит. Это привело его в некое замешательство, но в то же время вызвало неподдельный интерес, так как беседы в последнее время происходили лишь в его голове.

— Ну что, ты доволен? — с усмешкой спросил голос из-за спины.

Он обернулся, желая увидеть своего собеседника, но не обнаружил за своей спиной ничего, кроме густых зарослей елей, берёз и ивы.

— Доволен, спрашиваю?! — чуть более грубо переспросил голос уже с другой стороны.

Он вновь попытался отыскать глазами источник звука, но все попытки были тщетны.

— Эй, я с кем разговариваю? — произнёс голос, как бы отовсюду.

— Откуда мне знать, с кем ты разговариваешь? — ответил вопросом на вопрос наш герой. Замешательство уступило место страху, но вот интерес остался в полной мере.

— С тобой, — прозвучало вновь везде, — я разговариваю с тобой.

— Отлично, кто ты и что тебе нужно?

— Мне интересно узнать, чего ты добиваешься и как твои успехи.

Такой интерес к своей персоне не на шутку удивил его. До этого момента он никому не рассказывал о своих планах, так как было ясно, что ни один человек не сочтёт их адекватными и посоветует отправиться к мозгоправу. Он принялся в красках описывать неизвестному голосу последние четыре года своей жизни, от самой идеи стать Богом, до настоящего момента. Голос терпеливо выслушал весь рассказ и конце неожиданно разразился громким хохотом. Смех его раздавался эхом во всём лесу или, по крайней мере, во всей его голове.

— Кто ты?! — пытался он перекричать этот голос. Вороны подорвались со своих мест и стали кружить вокруг, подхватив неистовое гоготание. Слышали ли вы когда-нибудь смеющихся ворон?..

— Да кто ты, чёрт возьми, такой?!

Смех чуть стих, но вороны не останавливались.

— Ты ещё не догадался? Я это ты. Я есть Бог, — послышалось сквозь безудержный хохот ворон.

Он встал в исступлении.

— Этого не может быть, — пробормотал он себе под нос, — это невозможно...

— Ну как же невозможно? Вот он я, самый настоящий, — усмехнулся голос.

Среди кружившихся пернатых проявился угловатый силуэт. Он приближался лёгкой походкой из глубины леса и, наконец, подошёл достаточно близко, чтобы наш герой узнал в нём... Себя. Другой он поднял руку, и на неё тотчас приземлилась одна ворона. Остальные же сразу затихли и разлетелись в разные стороны, словно мгновенно исчезнув. Наступила гробовая тишина.

— Ну что, ты убедился? — прервав эту тишину спросил другой он.

— Я... Я всё равно не верю тебе... — тихо отвечал настоящий. Хотя, сложно было точно сказать, кто из них теперь настоящий.

— Ты доигрался, мальчик мой, — уверенно произнесла оставшаяся ворона, — Я наблюдал за тобой с самого начала — интересное зрелище, однако. Нет, не так. Я появился благодаря твоей крохотной вере и рос вместе с ней. Но я не могу понять одного — как такая грандиозная идея, пришла в твою пустую голову?

Он ничего не ответил.

— Неужели, ты думал, что действительно сможешь стать Богом? Ты ведь должен знать, что Богу нужны последователи, иначе он — никто.

— Д-да, я знаю, — еле выдавил из себя он.

— Что ж, поздравляю! Ты действительно создал нового Бога. Без тебя и твоих убеждений, я не смог бы существовать. Но на этом твоя роль в моём создании окончена. Спасибо большое, — ответил другой он со страшной ухмылкой, подходя всё ближе и ближе. У настоящего него перехватило дыхание, как только расстояние сократилось до одного шага.

— Каковы твои последние слова, мальчик? — с леденящим спокойствием спросил голос.

Он не мог ничего ответить и лишь испуганно бегал глазами вокруг.

— Как хорошо, что мне никому не придётся ничего передавать, — усмехнулся новый Бог, смотря на ворону на тропинке в парке. Ворона изумлённо хлопала крыльями и пыталась что-то кричать, но из её клюва выходило лишь протяжное громкое «Кар!»...

Кассиопея

Как ни сяду писать, выходит то про Бога, то про политику. Живу, творю и выступаю в Ярославле, повезло, что публика понимающая.

Игорь Скориков

Па...

Дождь усилился. Мы сидим в больничном дворе под большущей вербой, а вокруг нас почти сухой круг изнашиваемого от пара асфальта. Серый летний ливень молотит по скамейкам, собирает лужи и пузырит потоки вокруг дерева. Здесь что-то вроде шалаша. В нем так уютно, что я забываю все и молчу под шум. Примета из детства – если пузыри большие, значит дождь ненадолго.

Сквозь мысли я слышу, как он тихонько похрапывает.

— А была еще зима, — заявляет он, проснувшись, потом съёживается и потирает тощие колени. Я достаю из пакета пиджак и укрываю его, снимаю туфель и растираю искаленную ступню. Там еще нахожу яблоко, и мы разьедаем его пополам. Разделить у него сразу не получается, дрожь мешает, и он с завистью смотрит на мои пальцы, которые в две секунды располовинивают фрукт. Капли на листках плачущей вербы висают на миг, и спадают в лужи. Он поворачивает ко мне лысеющую голову и прищуривается. Редко, почти никогда, он так смотрит на меня. Каждый раз, мне кажется, что он особенно видит меня, и что-то хочет сказать, или уже сказал. Но то, что раньше не успел. Так бывает с человеком, только что очнувшимся от глубокого сна. Я закурываю, подпираю ладонью щеку.

— Па, расскажи дальше, ты про войну начал...

— Ну, ты пристал, — тогда мне ногу миной повредило, потому что я сам по ней ударил. Как я мог не ударить, она такая красивая была, с красной крышечкой, а я у них был главарь. И первый нашел...

— Так ты знал, что это мина?

— Мне семь или восемь было. Лежала в снегу, такая замерзшая... Знал, наверное, но ударил. Помню, как меня кто-то долго-долго нес, а я видел сзади пацанов и сугробы черные...

Мамка кричала и кровь мыла мою, и бинтовала тряпками...

Он перебирает пальцами и вздыхает.

— Дальше не буду. Когда мы в деревню поедем, а?

— Скоро, наверное, завтра. Дождь кончается, слышишь? Ты что? Не плачь...

Три дня назад ему сделали небольшую операцию, но он об этом не помнит. Закон Рибо — у стариков слабеет короткая память, но они в подробностях помнят события далекого прошлого. Я заступил на дежурство с ним, сменил младшего брата, посмотревшись очередных российских вестей о разрушениях и жертвах дома. Кляня опять себя за долгое отсутствие, отправил эсэмэску с куцым и навязшим вопросом: «Ну как ты? Расскажи, как дела?...» Ее ответ стегнул и вывернул во мне все, что оставалось от дома в этом южном городе. Я знал, что она человек неимоверной внутренней силы, и, конечно, сможет преодолеть многое ради чего-то, и до какого-то момента. Но я-то знал, какая она трусиха на самом деле. В длинной эсэмэске были ее вызов, боль и обида, страх и просьба, и я все увидел ее глазами. Она писала такое: «Что тебе рассказать? Как нас ежедневно крушат? Как город стал гетто без воды и света? Мы спим в коридорах и не знаем проснемся? Выходим на улицу не знаем дойдем на работу под минами? Себя спрашиваем зачем мы здесь и за что нас пустили в расход? А в конце концов тебе задают вопрос — ты за кого? И ответ — за мир их не устраивает. Ты должен определиться чью ты кровь будешь пить. Ты даже в самом страшном сне не видел что сейчас с нами. Все, закан... обстрел...»

Передо мной теперь всюду она, укрывающая собой в тесной хрущевке кошку и кота, ошалевших от канонады.

Со страхом, с беспомощностью, яростью от невозможности прямо сейчас защитить,

укрыть, избавить от будущих страданий проходили последние дни. Все это уже давно приходилось прятать от отца, как не самые нужные мысли для него в это время. О войне подлой, гражданской, о том, как бы я вел себя в ней, на что мог бы быть способен, — эти червивые мысли точили и разрушали.

И все-таки, неожиданно для себя, заговорил об этом с отцом. Почти сразу я опомнился и пожалел о просьбе, но он уже наклонил голову, уперся взглядом в скрещенные пальцы, немного поиграл ими и начал рассказывать:

— Я был самым старшим в нашей ватаге. Из-за этого потом так все и получилось. Бежали мы по селу, искали, чего б поесть. Могли найти в тех местах, где стояли итальянцы.

— Па, а немцы были?.. Ты видел немцев в деревне?

— Были солдаты. Нам говорили, что это итальянцы. Таянцы. Они стояли в деревне долго, а мне казалось, что они были здесь всегда. Я помню, как мы всей бандой воевали с ними. Целью была, конечно, еда. Остатки с их столов — куски хлеба, забытые миски с тушенкой, печенье, кофе... Все эти богатства я делил поровну среди всех или их отбирали старшие. Съедали сразу, как только брали в руки. Иногда валялась всякая бытовая мелочь... Помню коробки с чем-то пахнущим, чего мы и названия не знали. Иногда, даже очки, бритвы и полотенца. Все это прятали у трубы с дырками. Из нее ржавая вода текла. Там они умывались, возле леса.

Я делил всех пополам. Одни шли шуметь, — кричать в кустах и бросать камни, а потом утекать. Не далеко, дорогами, которые только мы знали. Вторые лежали в кустах возле того места, где таянцы обедали. Ждали, когда все отвлекутся на шум и можно будет подбежать к столам.

— Па, а они могли стрелять по вам, или как то вас наказать, ну, как детей? Как они реагировали?

— Было... Иногда одиночными стреляли вверх, быстро-быстро чирикали что-то, руками махали. А мы скоро поняли, что это они так развлекают сами себя. Не поймали и не убили никого. Мамки нас пороли за эти войны, и пытались помешать нам туда бегать. А, пойдя, угляди! Каждый день добудь еду, приготовь, а

там скотина еще... Да, еще без мужика... Папа, дед твой, четыре года с ранением в плену у немца был. А нас семеро. Знаешь, как мы в мае радовались, когда он пришел...

— Вы боялись?

— Потом уже нет...

— Па, давай не пойдем на ужин. Так тепло здесь. Не знаю, расскажи мне...

Мы с ним одни в больничном дворе, опять начинает накрапывать дождик. Скоро ужин, но мне не хочется возвращаться в отделение с его запахами. Липы сладким ароматом утешают, и от дождевых капель парит асфальт.

Игорь Скориков

Родился в Днепропетровске в 1963г. Окончил Луганский медицинский институт. Работал анестезиологом и реаниматологом в Луганской областной клинической больнице. Заведовал отделением акушерской анестезиологии и реаниматологии. Публикации рассказов в альманахе «Хороший текст» - «Бремя страстей человеческих», «Юность».

Иллюстрация: Анастасия Аветисян

Алексей Борычев

Молчанье – куб. Звучанье – круг...

Молчанье – куб. Звучанье – круг.
Слова – изгнанники из рая.
Земля упругая, сырая.
А воздух – гулок, свеж и крут!

На трёх опорах пустоты
Удержаны и власть, и сила...
А смерть – кристалл, и так красиво,
Когда на нём сверкаешь ты!..

Страстей кудрявых облака
Всю жизнь курчавятся над чащей.
На трёх лучах беды блестящей
Распяты годы и века.

По кругу слов мечты бредут.
Но как же вырваться из круга,
Когда вне круга так упруго
Кубы молчанья восстают!

И смерти дымчатый кристалл,
Что замораживает время,
В двумерном плоском измеренье
Отображать не перестал

Тебя нечёткой запятой
На пожелтевшем послестрочье,
Где места нет мне даже точкой
Остаться!..

Точкою
простой...

Яблоневый ворох распахнулся...

Сойкой встрепенулось вдохновенье.
Шевельнулось прошлое в груди.
Замелькали сиротливо тени.
Прокричало прошлое: «приди».

Яблоневый ворох распахнулся.
Захрустела яблоком заря.
Дым календарей во мне качнулся
Выдохом листов календаря...

Ты меня звала тоской вокзалов,
Трепетом бумаги на ветру.
Этого мне было слишком мало.
Я был верен своему костру...

Ты ли, придорожная, кричала,
Бесконечная брусчатка дней!..
Прошлому, во все его начала,
Восклицаю тоньше и светлей:

— Никого навеки и вовеки.
Никому причастие к тебе.
Потому что сиротливо веки
Опустила ты в моей судьбе.

Я и понимал, не понимая!
Я и уходил, не уходя –
Свежие ростки земного мая,
Духоту и солнца, и дождя.

...А они летели дымным комом,
Не спасая ни себя, ни нас,
Солнца жизненосная солома
И змеи земли полночный глаз.

Ладно, не случился я с тобою –
Шепелява горькая заря...
Станем ты и я земной золою,
Прокричу – я знаю – что не зря:

— Никого навеки и вовеки.
Потому что непричастен я к тебе.
Потому что сиротливо веки
Опустила ты в моей судьбе...

Обесцвечены летние полдни...

Обесцвечены летние полдни белым кружевом воспоминаний.
Истлевают в огне прошлых вёсен исцеляющие вдохновения.
И просторы событий прошедших наполняются детскими снами.
И становятся годы – часами, а часы – как секунды, мгновения.
Где же ты, золотистая пена драгоценного дара Грааля!
Где же вы, дорогие минуты раздроблённого будущим прошлого?
Слышу – души деревьев о чём-то бесполезно и долго скандалят!
Слышу – небо смеётся над чем-то, и дожди проливает над рощами.
Бесполезно. Никчемно. Пустынно. Ни приметы пустышной, ни знака...
Пляшет лучик полднего солнца по листве, по земле да по лужицам.
И хоть кажется – тени былого не гуляют по лесу, однако,
В совмещении света и мрака что-то очень знакомое кружится.
То ли память играет с мечтою? То ли мреет болотная влага?
Подхожу я поближе – под елью – замечаю лиловую бабочку.
Между прошлым, грядущим кружиться – ей последнее тихое благо.
Этой малой крупнице былого не погибнуть в забвения баночке...
Замолкающим птичьим хоралом разукрашен застенчивый вечер.
Бирюзовая дымка покоя ниспадает на суетность летнюю.
Замедляется в сумерках время, и мирок этот, кажется, вечен.
Я в иллюзию эту поверю, к сожалению, что не в последнюю.
Рассыпается хрупкая вечность многоточьями праздников, буден;
И сверкают осколки иллюзий на квадратных полотнищах истины.
И безумие прожитой жизни ударяет в невидимый бубен,
И судьба, подытожив былое, всех приводит к разрушенной пристани.

Иллюстрация: Ольга Алехина

Восходя к декабрю...

От пасмурных дней восходя к декабрю
Мой мир обживает цветные чертоги,
Жасминовой дымкой окутав зарю,
Былое упрятав в небесные тоги.

Обитель моя и пуста, и чиста
И сотнями радуг под нею смеётся
Вобравшая мудрость веков высота,
Зарницей мигая закатному солнцу...

Ты шепчешь мне что-то, ты молишь: 'скажи,
Узнаю тебя ли в сиянии истин,
Где в прятки играют с мечтой миражи,
Где воздухом тайны пропитаны мысли?'

Молчи!.. и певучих лучей не спугни
Бездонной, как пропасть, словесною тьмою...
Пылают над вечной печалью огни,
Чтоб розы в снегу расцветали зимою.

Иллюстрация: Трофименко Оксана

Будущее — лекарство!..

Видел печали зим.
Видел радости вёсен.
Мир был порой незрим.
Мир был порой несносен.

Тонко звенела струна.
Белое было белым.
Был в королевстве сна,
Грешным и онемелым.

Грешно цвела заря
И колосились блики
Истиной ноября,
Сумрачной и великой.

Было всегда — ничто:
Солнце, леса, болота...
Был я всегда — никто.
Буду, быть может, кто-то...

Липкие январь.
Великосветность мая...
С ночи и до зари —
Верил во что:
Не знаю...

Но времена прошли
По моему пространству:
В мыслях — и тень, и блик.
В чувствах — непостоянство.

Тени глухи, слепы.
Свет непорочен, ярок.
Будущности столпы —
Это судьбы подарок.

Глуп, как всегда, смешон,-
Лучик в болотном царстве...
Чёрное — страшный сон.
Будущее — лекарство!

В сердце стгорел миндаль...

Лучше всего молчать.
Это судьбы печать.
Звонкое «всё равно» —
Будущего звено.

Лучше подальше быть
От похвальбы, обид.
Сумрачно бытиё.
В нём лишь простор — моё.

Осени календарь.
В нём беспробудна даль. —
В окна плеснёт волной...
Свет мой всегда со мной.

Призрачные круги.
И не видать ни зги...
Будущее ничто.
В прошлом моём никто.

Но... тростникова даль.
В сердце стгорел миндаль.
В сердце стгорает день.
Бьётся крылами тень.

Алексей Борычев

Член Союза писателей России, автор девяти книг стихотворений и одной книги прозы. печатался в периодике России, Украины, Белоруссии, Молдовы, Татарстана, Башкортостана, Казахстана, США, Канады, Германии, Финляндии, Израйля, Австралии, Узбекистана и др.

Анатолий Шутый

Прифронтовое

Ощетинилась земля –
В темно-буром.
А загадывать нельзя –
На смех курам.

Просвистело вдалеке
Прошлой ночью...
Убежать бы налегке,
Если громче.

Время, взятое в залог.
Не посеешь.
Будто вены сеть дорог –
Не поспеешь.

Где дрожала бирюза,
Слыша залпы,
Эшелоны и глаза –
Все на запад.

Календарик отложи
Устаревший –
Даты встанут у межи,
Онемевши

Завтра... Нынче будто рой –
Люди, люди...
Этот мир прифронтовой...
Что-то будет.

14.04.2022

Весенний сад

Не внемля сообщениям с фронтов
И не взирая на металла тонны,
Весенний сад опять цвести готов –
На зыбкий свет раскрыл свои бутоны.
Когда деревья солнцу шлют поклоны,
Над ними вертолеты, гул ракет...
И кто-то, может, гибели в ответ
Зачем-то скажет, прикрывая кроны:
«Не повредили б только нежный цвет...»

06.05.2022

«Запятые, буквы, точки...»

«Запятые, буквы, точки...»
Вот и школа на углу.
Распускаются цветочки,
Подожди – тебе нарву!
Подожди... Весне отсрочка!
Детский бег не встретит кочка,
Птичьи трели по утру
Не ее уж. «Буквы, точка...»
Просто точка – «Точка-У»

Степи, порванные в клочья

Степи, порванные в клочья...
Пули помните в затылке –
В сорок первом в ямах? Впрочем,
Может, это от горилки?

Может, хмелю волю дали,
Что забыли руку брата?
За листьями черной стали...
Было свято, стало смято!

Иль не связана с Хатынью
Тьма, расстеленная в Буче?!
Монументы стали пылью,
С темной кровью тянет тучи...

Лжи живучей зреют злаки,
Стебель тянется из почек –
Иль крестов забыли знаки,
Не знакомый разве почерк?!

Не понятны разве цели,
Если движутся «пантеры»,
Если дети на прицеле,
Если нет Христовой веры!..

Что накликали вы сами,
Если слезы льет напрасно
Над печальными полями
Дух крылатого Тараса?..

Поменяться бы с пятидесятыми

Поменяться бы с пятидесятыми,
Что почти что послевоенные,
Где умели мечтать за партами
И тихонько играли с пленными...

За Жюль Верном шли океанами,
Устремлялись в глубины космоса,
Хоть штаны порой были рваными,
А дружили двором всем, попросту!

Где и свастику ненавидели,
И звездой украшали елочку!
На скамеечках кинозрители
Обожали Любовь и Зочку!..

Где ценили жизнь парни, девочки,
Повенчавшись уже с утратами...
Там и папа гулял – да в кепочке!
Поменяться бы с пятидесятыми.

Затихает канонада

Затихает канонада,
Захлебнулся рев бойниц,
И откуда-то из сада
Стало слышно пенье птиц...

Так не вовремя, по правде.
Той, минувшей жизни клочок
Словно кем-то был украден,
Не нажавшим на курок –

Засмотрелись сини-очи
На движенье облаков,
И в ответ на многоточье
День вчерашний снял покров:

Не ценимое когда-то
Окружило наяву...
Я забыл, какая дата,
Если вспомню, зареву.

Пенье птиц... под ветром майским,
Шепоток живых ветвей,
Растворились в небе краски
От залетных сизарей...

Холодок курка ли кнопки
Прокатился до плеча –
Волны залпа быстры, топки,
И минута, что ничья,

Что украли не нарочно
У весенних почтовых,
Что напомнила о прошлом
Средь садов прифронтовых

Утонула. Но к рассвету
Дней, спешащих к нам звеня,
Мы найдем минуту эту
Там... за линией огня.

12.05.2022

Анатолий Шутый

доктор физ.-мат. наук, работаю ведущим научным сотрудником в Ульяновском госуниверситете; серьезно занимаюсь философией (написана объемная монография, где предлагается новая философская система); стихи начал писать в 21 год, написал более двух тысяч стихотворений, несколько поэм и прозаических миниатюр; являюсь православным христианином

Александр Серб

В движении...

Да. Было, как вчера... Я верил. Верил слепо
В несокрушимость стали, во всеисилье света.
Но потускнели звёзды, проржавели скрепы,
Истлевших идеалов прах развеян где-то.

Свистели слева, били в лоб, толкали справа.
Свой путь локтями пробивал себе без злобы.
Жизнь пронеслась искромётною забавой.
Пятак казался золотом той, высшей пробы.

Но вдруг, споткнувшись у крутого поворота,
Упал я в грязь и разрыдался, как мальчишка.
Помог подняться мне тогда случайный кто-то.
Лица не разглядел, исчез он быстро слишком.

Запутав стаи чувств в своих нейронных сетях,
Мой недалёкий разум так старался выжить.
Сжимая дух петлёй бессонниц на рассветах,
По капле смыслы из меня пытался выжать.

Я понял — старый мир сгорал под небесами.
Но что же будет здесь теперь на пепелище?
Цветы? Сорняк? Пустыня ли? Не знаем сами.
Пора бы сеять, мы же только семя ищем.

А сердце вещее стонало, но молчало.
Душа искала свет надежд, в ночи парила...
Хожу под Богом по дорогам. От начала
Лишь по нему сверяю все свои мерила.

Влекут тропинки к неизведанной Вселенной,
Навстречу Солнцу, к счастью и блаженству.
Храни Любовь нас на земле благословенной
В движении безумном к совершенству!

Александр Серб

пенсионер, женат, дети - двойняшки, мальчик и девочка. Ради них и живу.

Очень Аккуратно

Прикладная магия

Столица. Улица Тверская.
 По левому её краю
 (Если двигаться к центру),
 Довольно заметна
 Вывеска магазина книжного,
 Очень престижного
 И с ценами, кстати,
 Что не у каждого хватит
 Средств на «печатное слово».
 Тот магазин бестолково,
 но гордо
 Носит название города.
 Читателей орды
 Шныряют туда и обратно.
 Довольно приятно
 Выполнено убранство
 Того магазина внутри:
 на полках теснятся фигурки-паяцев
 И много цветных витрин.
 Долго можно стоять-озираться,
 Но мы то здесь за одним:
 В шкафу номер девять,
 На полке четвёртой
 Найти можно
 «Древнюю книгу мертвых»

Книга эта примечательна
 Для искущённого читателя,
 Прежде всего тайными знаниями
 И забытыми заклинаниями,
 Разными по своей силе,
 Которые в изобилии,
 Содержат её страницы.

Книга пригодится
 Искателям славы, богатства,
 И просто тунеядцам,
 Не трудящимся по соображениям.
 С книгой сбережения
 Сами бегут по карманам.
 Достаточно обманом
 Заточить демона низшего,
 Специального зелья испившего
 (Рецепт его тоже изложен),
 В коробку из под серёжек
 Или другой ювелирной продукции.
 Я так же уверен, найдутся
 И те, кому пригодится
 Для привлечения принца
 Этот древний фолиант:
 Отличный вариант
 Для старых дев и дурнушек —
 Две унции чернушек,
 Кровь чёрного петуха
 И труха
 Из крышки лежалого гроба.
 Вот, в общем-то, и готово!

Останется только упавши ниц
 Прочсть заклинание с желтых страниц
 Этой старинной Книги!
 А если найдутся вериги расстриги
 Или, к примеру, распятие,
 То можно наслать проклятья,
 Сроком на многие лета
 (Дело все в том, что предметы,
 Эти хранят в себе силу,
 Что может любого в могилу,
 Медленным маршем свести).
 Если у вас не в чести,

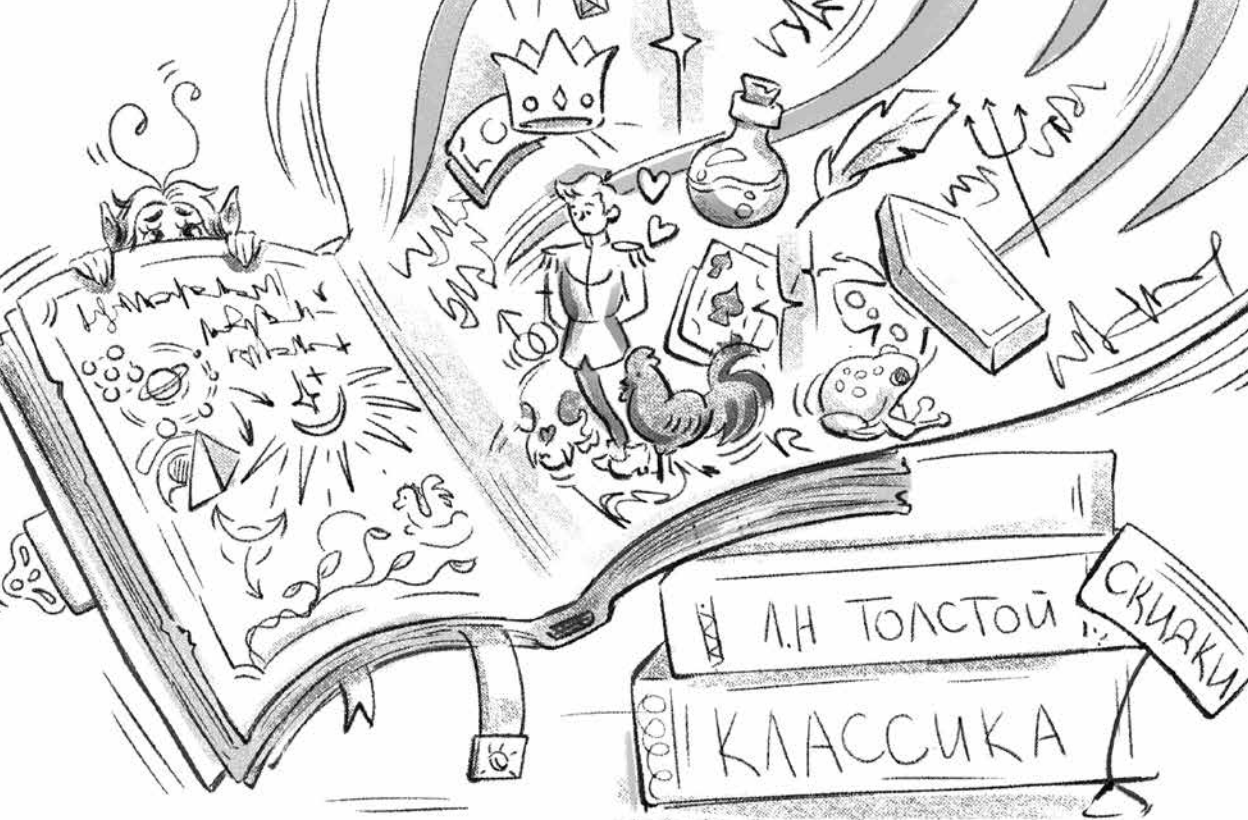

Иллюстрация: iuliakuninaa

Деньги, любовь и влияние,
Для полного понимания,
Хочу обозначить,
Что сейчас не иначе,
Как самую малую толику
(И то, постольку-поскольку!)
Привёл вам из этого чтива.
Хотите всегда красиво
Держаться, цеплять внимание?
Скачек исходы заранее
Знать и влиять по ходу?
Или же пресную воду
Вмиг обращать в алкоголь?
Числа делить на ноль?

Не знать никогда проблем?
Можно все! И совсем
Не сложно иметь искомое,
Если для вас знакомым
Является чтения навык.
Ко всему выше, в добавок,
Скажу, что сейчас там скидки!
Хватайте скорее пожитки,
(Документы с деньгами!)
И к счастью, своими ногами!
К той книге, что ныне хранится
На полке, в центре столицы.

Кадр из фильма «Французский вестник»

Дмитрий Инженеров

Первый и последний день в редакции

Ольга Сергеевна была зла, как никогда. Никак не могла отдышаться после подъёма по лестнице, а главное, от приступа возмущения. Какой-то подлец на угловатом джипе с разгону въехал в лужу и окатил её грязной талой водой с ног до головы. Прямо возле редакции. И хоть бы остановился, негодяй. Она еле поднялась по лестнице в кабинет, предвкушая привычный утренний ритуал. А тут этот новый курьер с дебильным именем. Селиван! Отдал кому-то банку кофе и не знает кому, он вообще никого в редакции не знает.

— Что же за идиоты родители? Так назвать ребёнка. И ведь вырос, не умер от стыда в младенчестве. — Ольга Сергеевна, перекладывая папки, по привычке тихонько ворчала вслух, в её возрасте это не считалось зазорным. В редакции Шапошникову не любили за скверный характер и вступающий в свои права маразм, но наличие дочери в Министерстве Культуры делало «Шапокляк», как ее называли за глаза, непотопляемой и неуязвимой. Закончив перебирать папки и обнаружив незнакомую нечтенную рукопись, Ольга Сергеевна без тени

сомнения сунула ее в мусорную корзину – за долгие годы работы в редакции она привыкла к таким вот подкинутым рукописям непризнанных гениев и относилась к такому способу прославиться с изрядным отвращением.

Селиван слов «Шапокляк» не слышал. Курьер, как угорелый, носился по кабинетам, разыскивая пропавший кофе. Но заспанные сотрудники только пожимали плечами: «Растворимый не пьем». Утренний кофейный ритуал в редакции заканчивался, когда сердобольная полноватая Елена Павловна сжалась над парнем и отдала ему кофе из своих запасов. Селиван казался сверстником ее сына Димки, неожиданно для родителей бросившего институт и стремительно загремевшего в армию. Материнская тревога живо нарисовала картину – вот её щуплому Димке даёт кулаком поддых здоровенный старослужащий, и вот Димка также, как Селиван, мечется по казарме, отыскивая тому курево. Елена Павловна не услышала слов Селивана и погрузилась в грустные мысли.

Селиван на минуту остановил свой бег по коридору, пропуская в кабинет секретаршу брюнетку Маринку, красотку редакционного значения. Маринка привычно опаздывала на работу и пыталась проскользнуть за свой стол, не попавшись начальству на глаза. Селивана обдало благоуханием духов и обожгло кокетливым взглядом. Тоненькая, на высоких каблуках, во всеоружии макияжа и маникюра Маринка привычно покоряла сердца даже мимоходом, даже совсем не нужные в хозяйстве сердца. Вот и сейчас поймав заинтересованный взгляд парня, Маринка победно расправила плечи. Но все её мысли всё равно были о Нём, об Игоре: «Поговорил он, наконец, с женой, или она опять болеет? Когда же она перестанет болеть, эта старая кляча? А может, она вообще сдохнет? Годы уходят, когда же жить. Как же хочется жить. Я такая старая». Про роман Маринки с Игорем Андреевичем, перспективным со связями замом главреда быстро узнал весь коллектив, и вся очарованная поначалу Маринкой молодежь мужского пола тут же стала называть ее за глаза «профурсеткой» и «секретуткой». Почему профурсеткой? Да потому что «профурра» в редакции уже была.

«Профурой» звали Оксану Валерьевну – красивую, статную, всегда роскошно одетую

женщину. Она была замом по хозяйству. Злобность ее и умение упиваться своей властью поражали любого, кто к ней приближался. Она упекла в тюрьму предыдущего зама, её побаивался даже сам Шеф. Из её кабинета девочки выходили с заплаканными глазами, а парни с потерянными. Все в редакции, как один, жалели ее мужа, немолодого, спивающегося инженера, занимавшегося эксплуатацией здания редакции. Так жалели его, что не очень то возмущались вечно неработающими туалетами, протекающей крышей и исчезающим в разгар рабочего дня интернетом.

Проходя мимо одного из кабинетов, Селиван услышал неприятный хохот и обрывок фразы: «...купец известный, вот уже кофе пропадать начал». Сердце шумно выбросило порцию крови, в висках застучало. Он дернул ручку двери и вошёл. В кабинете притихли, только молодые ребята чуть слышно сговаривались идти в обед играть в настольный теннис на чердак. Селиван обвел всех взглядом. На одном из парней взгляд остановился, тот сразу же крикнул с вызовом: «Эй, Селиван, сгоняй за сигаретами, ты курьер или купец?». Селиван перевел вопросительный взгляд на солидного мужчину, казавшегося ему начальником. Тот, опустив взгляд в телефон, что-то читал. Не поднимая глаза, мужчина буркнул:

– Семёнов, заткнись уже и сиди работай.

– Олег Иванович, а почему как работай, так Семёнов, а как премия, так Семёнова нет? – неожиданно злобно отозвался парень.

Селиван воспользовался паузой и выскользнул из кабинета, а начальник только вздохнул. Все его мысли были только об ипотеке. Когда-то подающий надежды молодой автор он увяз в рутине и сейчас думал только, как прокормить троих детей и неработающую жену. И выплатить кредит, этот проклятый кредит.

Селиван растерялся и возбуждённо дышал. Мысли путались. Вспомнилась школа, издательства одноклассников. Перепутав, зашёл в какой-то кабинет, увидел раскрасневшегося молодого сотрудника, что-то ожесточенно доказывающего пожилому коллеге. Прислушался к пустопорожнему политическому спору. Тихонько вышел.

Легче не становилось. С надеждой заглянул в кабинет Шапокляк. Старухи не было. Поискал

взглядом на столе свою рукопись. Не нашёл!

– Читает, – взволнованно прошептал вслух и, развернувшись, вдруг споткнулся взглядом о знакомые листы в мусорной корзине.

В коридоре было жарко, отопление не отключили, окна глухие. Весна. Смахнул рукой пот со лба. Ожесточенно почесал волосы. Ногти царапали кожу головы, под ними оставалась кровь. Жара. Расстегнул рубашку. Дошел до конца коридора.

– Туалет не работает, – дёрнул ручку, дверь поддалась. – Вот и хорошо, что не работает. Тут прохладнее. Надо успокоиться, надо успокоиться, надо успокоиться.

Он закинул себя. Не помогало. Таблетки с собой не взял, просто отвык уже от них. Нарастало раздражение. Нет. Изнутри поднималась ярость. Так уже было когда-то. Там, в школе. Родителям тогда всё удалось замаять. Перевели на домашнее обучение, закончил школу, в армию не взяли, конечно, вот сюда пока договорились курьером.

Селиван лихорадочно прислушивался к своим мыслям.

– Зачем вы? – думал парень, – кто и зачем создал вас и собрал в этом проклятом месте? Ни один из вас ничего стоящего не создал, не помог ни одному талантливому автору. Вы ходите сюда, чтобы не работать, ходите за зарплатой. Занимаетесь рутинной, личными делами, спортом, чтением новостей, чем угодно, лишь бы не своими обязанностями. Никакого вдохновения, самые приземлённые интересы. Самые приземлённые люди! Какая польза обществу, людям от

вашего существования? Зачем вы, зачем? Ведь вы препятствие, а не помощь творчеству, искусству, культуре. Жалкие паразиты, бессмысленные со своими отсутствующими взглядами и сиюминутными интересами.

– Зачем вы! – почти кричал голос изнутри Селивана, вырываясь из его рта каким-то глухим рычанием.

Он жил рядом. Дорога до дома и обратно заняла пятнадцать минут. Металл отцовского ружья приятно охлаждал руку. Стремительно прошел мимо поста охраны. Женщина-дежурная от неожиданности рухнула на стул, забыв про все тревожные кнопки. Лихорадочно стала вызывать полицию, лишь когда раздались первые выстрелы. Парень методично обходил кабинет за кабинетом, слышались крики и выстрелы, никто почему-то не выбегал в коридор, не бросался на убийцу. Селиван с багровым лицом, обливался потом, дрожал крупной дрожью и приглушённо рычал с каким-то подвыванием: «Зачем вы?»

А потом всё закончилось. И рассказ этот закончился. Всё в этом мире конечно. Особенно жизнь, кстати. И никто так и не смог спросить умершего в 1892-м году промышленника Селивана Авдеева важно ли ему, чтобы его праправнук носил его имя. Я думаю, не важно. И талант писательский не важен. Главное, чтобы человек был хороший..

Дмитрий Инженеров

Дмитрий Инженеров (в быту Кузнецов). 49 лет, женат, инженер-строитель. Родился в Челябинске, вырос в Магадане, живу в Москве. Занимаюсь обследованием зданий, особенно люблю старинные здания. Не судим, по литературной линии ранее не привлекался. Желание писать появилось в семь-восемь лет (хотел написать продолжение «Туманности Андромеды», очень уж интересно было домыслить про дисковый звездолёт), и на сей день выражается в написании рассказов и небольших стиховёшек. Из наград — грамота за сидение в проектом институте и похвалы мамы за мытьё посуды.

Вадим Сергеев

В издательстве (маленькая (не) драма)

Оживлень! Оживлень!
Люд гремит со всех сторон!
Не ищи себе спасенья
В будни или воскресенья
И забрось подальше сон.
Автор бьется у прохода,
Ищет правды для народа,
Только в «Правду» не берут.
Врут!
Объявление, глядите:
«Набирает наш журнал
Одаренных и маститых,
Неизвестных, знаменитых,
У редакции аврал!»
В шесть утра уже толпится
Точно очередь больницы,
Все шумят и все спуют.
Ждут.
Посмотрите! Посмотрите!
В кабинет заходит франт
Шарф на шее, серый китель,
Взгляд как будто в монолите
И в кармане преискуртант.

Поэтессы и поэты,
Скандалисты и фальцеты,
Все накинудись гурьбой.
В бой!
Это что еще за птица?
Чей-то родственник в жури?
Может кто из-за границы?
Нам такое не годится!
Ваше место у двери!
Франт растерян и взлохмачен,
А толпе терпеть нет мочи —
Прогоняют «упыря».
Зря...
Франт ушел и хлопнул дверью
Под обрадованный гул.
Секретарь вскочил газелью,
По столу рассыпав перья,
Опрокинув на пол стул:
«Вы с ума все посходили?
Вы чего здесь учинили?
Это ж спонсор основой!»
Ой...

Вадим Сергеев

Родился в предверии девяностых в поволжской Самаре, о чем не жалею. Юрист, начинающий поэт. Окончил Самарский государственный университет. Публиковался в «Литра. Онлайн», в журнале «Новая литература», а также участвовал в выпусках и альманахах Международного союза русскоговорящих писателей.

Алиса Горислав

Нулевой номер

Книги стали серовато-жёлтыми и всё равно подорожали.

Помнится, когда-то давно, будто уже в прошлой жизни, бабушка, ставшая совсем старенькой, переезжала из своей двухкомнатной квартирки, где прожила почти всю свою жизнь, в большую, пятикомнатную, к старшей дочери. Тогда всей семьёй они собирали бабушкины вещи, пока то охала и ахала, цепляясь за каждую статуэтку, а Лиза вместе с мамой разбирала её книги. В их семье как-то было принято читать, причём читать много: дома вдоль стен нависали над маленькой Лизой циклопические шкафы, хранившие за стеклянными дверцами бесконечные миры, а отец, пока не потерял работу, покупал Лизе любую книгу, какую бы та ни захотела. Детские толстые энциклопедии, невероятно цветные, обо всём на свете, от радуги и динозавров до принципа работы двигателя внутреннего сгорания и архитектуры пирамид Древнего Египта, сменились постепенно прихотливым научными талмудами, подробными и оснащёнными острыми, точёными схемами. Цветные иллюстрации теперь посматривали украдкой только между листов чужих грёз, приоткрывая секреты очередного фэнтезийного мира. Ну и, конечно, из анатомического атласа.

Так вот. Книг у бабушки тоже имелось много, и перевезти все не вышло бы. Да и куда их поставить? Своих полно, многое повторялось, но бабушка цеплялась за каждую воинственным зверем, даже когда мама, устав от уговоров, кричала, дескать, на этой серой туалетной бумаге ни буквы не видать, такую только на помойку выкинуть осталось — даже нищей библиотеке стыдно стало бы отдать. Бабушка скандалила в ответ, а Лиза рассматривала те самые книги раздора. И правда: ничего не прочитать. Истлевшие буквы забирали вереницы писателей, стирали героев, разрывали сюжеты, пропускали мысли — и от книги оставалась разве что грязно-коричневая, покрытая какими-то

серыми пятнами, громко хрустящая обложка.

В конце концов, разумеется, сделали по-маминому и большую часть книг, свернув шпагатом, вынесли на помойку. За это бабушка не разговаривала с мамой несколько дней, а когда ходила, шаркая, по квартире, что-то ворчала недовольно. Мама раздражалась, вздыхала, а Лиза деликатно пряталась за наушниками, словно бы ничего не происходило вовсе. Уж чему-чему, а быть тихой, не показываться на глаза, когда даже дышать дома становится тяжело и как-то неправильно, молчать и прикидываться ветошью Лиза научилась безукоризненно.

Бабушка умерла через семь лет после переезда, а книги её так и остались на полках. Иногда Лиза до сих пор вспоминала почему-то те самые стопки, перевязанные наспех бечёвкой и сиротливо ютящиеся у ржавого, покосившегося мусорного бака, и на глаза наворачивались слёзы. Глупости какие-то... Жизнь продолжалась, а Лиза выросла. В девятом классе вошла полноценно в состав школьной газеты, откуда вскоре и вылетела — из-за статьи, в которой критиковала администрацию школы, сделавшей особый упор на спортивные достижения в ущерб академических успехов. Заметка вышла язвительной: Лиза не стеснялась капать ядом на то, как мальчиков-спортсменов носили на руках и обсасывали со всех сторон, в то время как Лизу и её подруг, победивших на городском научном фестивале и выигравших грант на свою разработку, проигнорировали. Их никто не стал поздравлять, администрация сделала вид, будто ничего не случилось такого, а разозлённая Лиза посмаковала ситуацию, старательно убодрив обвинениями. Что закономерно, её вызвали к директору, и она (Лиза до сих пор помнит её выражение лица) сказала: «А я всё это время думала, что ты хорошая девочка». Лиза с ней не согласилась — и не согласна до сих пор. Хорошие девочки — это смелые девочки, которые не молчат, которые говорят о том,

во что верят, и которые не боятся.

Стоит ли удивляться, что школу, элитную языковую гимназию, пришлось сменить? Лиза дотянула злополучный девятый класс и на всю старшую ступень ушла в обычную школу, где работала её тётка, обладавшая нравом настолько скверным, что при всём желании никто бы не полез к девушке с её фамилией. Потому Лиза начала делать, что хотела — готовиться к экзаменам. Поступила, вон, в итоге после всего этого в местный кулёк на библиотекаря, а через год забрала документы и ушла на желанную журналистику, пусть и лежала душа немножко к другому — к возвышенному, к художественному, к прозе. Однако литературный институт остался глупой несбыточной мечтой. Закадычная подруга так попыталась поступить на кинорежиссёра сразу после школы, и там, среди взрослых, смотрелась недавняя школьница откровенно странно, а приёмная комиссия, сдерживаясь в выражениях, объяснила, что не в том возрасте абитуриентка ещё, чтобы мир показывать через кино. Должен ведь быть опыт, чтобы творить. Что может рассказать автор, и не важно, писатель или режиссёр, если жизнь не видел? Подруга тогда жутко расстроилась и поступила в театральное училище — стать актрисой, но снимать короткометражки и заливать их на ютуб не прекратила. Подписчиков набрала.

Лиза же продолжила писать в стол и нашла работу в местной газете — так, скорее уж стажировку в духе “принеси-подай-поставь запятые-исправь отступы”. Потом начали доверять “серьёзную работу”, и наконец Лизе самой надоело, что карьера её такими темпами зайдёт в тупик.

И вдруг в жизни возникла снова Светка — написала вк и предложила попить чаю.

Со Светой Лиза не общалась ещё со времён университета: та ушла с журналистики на третьем курсе и исчезла загадочно с радаров. По слухам, прошла-таки в литвуз, публиковалась в толстых журналах и даже какую-то премию урвала за особо остросоциальную повесть, вызвавшую ожесточённые споры на ридере, куда впоследствии выложили работы-победительницы. С чего той вдруг захотелось встречи, ведь особо тесно они никогда не дружились, Лиза не вполне понимала, однако спрашивать напрямую не стала — не хотела разрушать так глупо

тайну. На воскресный полдень как-то планами Лиза не обзавелась, поэтому ничего двигать не пришлось: в назначенный срок она собралась и, закрывшись от мира музыкой, вышла из дому.

Кафе наполнилось посетителями: стоило только снять ковидные ограничения, как все массы, желающие выпить, наконец, свежего кофе в любимом месте, ломанулись оккупировать столы и стулья. Благо, что Света место забронировала: помахала рукой из угла, а Лиза устремилась к ней.

Обниматься не стали.

— Давно не виделись! — улыбнулась широко Света, помешивая ложечкой густой облепиховый чай с апельсином. — Всё так же и работаешь в своём “Обозревателе”?

Лиза вздохнула — и отвлеклась на заказ зелёного травяного чая и ежевичного эклера к нему.

— Я оттуда ушла полгода назад, — неохотно отозвалась, наконец, она. — Немного... не сошлись с редакторкой в характерах и взглядах.

— Расскажешь, что случилось?

— Нет, — Лиза покачала головой. — Ты уж прости: не люблю вспоминать.

— Ничего, — улыбнулась Света. — Твоя жизнь — твои границы.

Принесли ежевичный эклер, посыпанный щедро фисташкой.

Света посматривала задумчиво, и Лиза, перехватив её взгляд, недоумённо приподняла брови.

— Я хочу основать свой литературный журнал, — проговорила Света. — Не торопись отказываться так сразу...

Лиза кашлянула в чай.

— Пока и не думала. Продолжай.

— Я уже очень давно об этом думаю, — голос Светы сбился, а глаза её засверкали. — И давно думаю о том, что случилось с литературой в нашей стране. Где вот искать эту самую литературу? Может, в изданных книгах? Те, которые кто-то одобрил и распечатал щедрым тиражом в три тысячи копий так, что в каждый город не достанется хотя бы по три штуки? Но мы все

знаем, — она горько усмехнулась, — как сейчас издают книги. В основном ведь ждут кого-то из-за рубежа — ну, чтобы там дали какого-нибудь Пулитцера, чтобы хайпануло, чтобы точно продалось. Или взять какого-нибудь тиктокера с многомиллионной аудиторией, и не важно, что он составлять буквы в слова не научился. Аудитория-то есть! Понимаешь? Книгоиздание из искусства давно стало деньгами. Может, тогда поискать литературу где-то ещё?

— В литжурналах? — аккуратно предположила Лиза, ломая эклер вилочкой.

Света, будто только и ожидая этого слова, расплылась в улыбке:

— Ладно, допустим, они. Ну, там-то явно знают, что такое литература, правда? Особенно эти старые, толстые литературные журналы, где лихорадочно мечтали когда-то публиковаться все начинающие писатели. Опубликовался в “Пламени” — и точно стал литератором, частью писательской тусовки! Точно валидировался и можешь говорить, что ты теперь настоящий-настоящий писатель! Вот только кто стоит во главе этих самых журналов? Ты думала когда-нибудь? Почему от этих журналов ничего не слышно толком?

— Ну, может, их слишком много... — не слышном уверенно предположила Лиза. — И в итоге читатель не особо знает, что выбрать? Да и найти подходящий журнал тяжело. Печатают всё-таки разных авторов, а чтобы понять редакционную политику, нужно заморочиться.

— Отчасти ты права. Но есть более фундаментальная проблема — нет больше у литжурналов никакого веса. Является ли толстый журнал гарантией качества для читателя? Может ли читатель быть уверен, что редактор этого самого журнала, про которого он знает примерно ничерта, даст ему что-то действительно достойное? А для автора? Что получит автор? Известность? Деньги? Что? Ничего он не получит — только красивую строчку в творческую автобиографию, на которую никто не посмотрит, когда попробует, отчаявшись, податься на какого-нибудь там сценариста романтических визуальных новелл, где важнее картинка и порно.

— Не все визуальные новеллы такие! — возмутилась Лиза. — Есть очень даже хорошие

образцы, с крепким драматическим сюжетом и развитием персонажей...

Света закатила глаза и фыркнула:

— Ты поняла, о чём я, Лиз.

Лиза поджала губы.

— Нет уже в редакторах Некрасовых, которые покажут нам Пушкиных и Толстых. Вот в чём проблема! — Света попыталась было взмахнуть руками, но вовремя остановилась. — Вот, “Пламень” пресловутый, например. Его главреду семьдесят шесть лет, на своём посту он уже почти тридцать лет. Какой последний автор вышел из “Пламени”, можешь мне сказать так сразу?

— Богдан Павлович, — через несколько минут нашлась с ответом Лиза. — Ещё Виктор Майский.

— Тридцать лет, Лиза. Тридцать.

Какое-то время они обе молчат: Света деловито попивает чай, опустошая постепенно чайник, а Лиза тоскливо ковыряет эклер. Натяжной какой-то диалог у них получался — или просто не к тому Лиза готовилась?

— Хорошо, — вздохнула, наконец, Лиза. — Что ты предлагаешь?

— Онлайн-портал для всех и издание бумажного журнала впоследствии. Молодую редколлегия с активной позицией. Писательское бесстрашие.

— И сколько вас?

— Уже восемь.

— Я ничего не обещаю...

— Кроме как подумать?

Лиза кивает задумчиво.

А через несколько дней, к вечеру субботы, сообщает, что выйдет в понедельник.

Как и следовало ожидать, никакой офис начинающий “Пламень” не снимал: не по карману, да и принципиальная позиция Светы такова, что вкладываться в памятники капитализма (а именно так она называла небоскрёбы и прочие “офисные” здания) она не намеревалась. Поэтому собирались по-простому — на квартире у самой Светы, где девять человек разместились

вполне неплохо.

Команда выходила следующей: два айтишницы, одна из которых — не просто джун джуном, так ещё и самоучка, а вторая — что-то около крепкого миддла, намеренного расширить портфолио, начинающая дизайнерка, нынешняя журналистка в лице самой Лизы, газетная верстальщица, три литераторки и даже игровая сценаристка. Кого-то Лиза смутно узнавала — видела на чых-то фотках в инсте, кого-то — видела впервые. С одной девушкой, оказалось, даже пересекалась на литературном семинаре прежде.

Света прокашлялась, привлекая к себе внимание.

— Что же, у нас пополнение! — она улыбнулась широко. — Прошу любить и жаловать, Лиза Солнцева, журналистка, мечтающая стать прозаиком. Расскажешь о себе немного? Сама понимаешь, тимбилдинг и прочие порождения менеджмента двадцать первого века.

Сердце заколотилось до боли быстро, норовя пробить грудную клетку изнутри, а ладони стали холодными, липкими и влажными. Лиза вытерла руки о джинсы украдкой.

— Не люблю долгие самопрезентации, — постаралась сдерживать нервные нотки в голосе она и почти даже не соврала, — поэтому скажу просто, что в литературе предпочитаю антиутопию, научную фантастику и сюрреализм. Всё остальное не так уж и важно, в общем-то.

— Надо будет устроить конкурс антиутопических рассказов, — тут же заметила Таня, что-то планомерно черкая в блокноте. На стенографию не похоже, а вот на тревожные каракули, которые выводишь во время тяжёлых разговоров — вполне. — Хотя что надо сейчас написать такого, чтобы получилась антиутопия, а не совершенно обыкновеннейший реализм...

— Так и умер киберпанк! — нашлась с ответом Лиза.

Никто не посмеялся, но две девушки даже приуныли. У Светы дёрнулся глаз, а Лиза прикусила язык посильнее, но не до крови.

— Вернёмся к нашим баранам, — торопливо перевела тему Света, — и конкретно к нашему будущему portalу. Уже собран прототип, и я

нашла сорок шесть человек для тестирования. Что касается финансов, то краудфандинг идёт вполне недурно: мы собрали уже семьдесят три тысячи двести два рубля. Я нашла типографию, в которой согласились запустить нас как пилотный проект, как только соберём первый выпуск, и договорилась с неформатным книжным магазином. Ну, думаю, тут все были в “Пере и ноже”? — Я не была, — подала голос Ксения, программистка-джун. Нервная она какая-то девушка: постоянно поглядывала в сторону, подёргивала плечом, как будто у неё тики, и стучала пальцами по коленям, и сидела так, будто кол проглотила.

— Потом сходим тогда вместе.

Ксения открыла рот, чтобы что-то сказать, но тут же его закрыла — только кивнула.

— А может, на грант какой-нибудь податься?

— Какой, например?

Женя покопалась в телефоне:

— Вот, например, от росмолодёжи. Есть направление, как раз посвящённое искусству. Мы бы вполне смогли пройти... и потенциально получить денег. Только, наверное, понадобится грамотный финансист, который сможет рассчитать проект, и я даже знаю одного хорошего человека из финансового университета.

Однако Света так, похоже, не считала:

— Я не хочу просить денег у государства. Это хорошо не кончается. Один раз примешь подачку, которая не решит твоих проблем, так ещё и добавит каких-нибудь новых. Чего стоят только одни отчёты...

И вздохнула так тяжело, как будто сама когда-то сталкивалась с таким.

— Но я бы всё-таки подумала на твоём месте, Свет, — отразила Женя выпад стоически. — Нам просто так не выплыть. Печать нынче дорогая, интерес к литературе объективно угасает: всё-таки она уступает другим формам досуга. И очень серьёзно уступает.

Лиза аккуратно пролистывала графики и расчёты. Кое-что она понимала в бухгалтерском учёте: приходилось вникать в детали, когда оказалась помощницей в специализированной на экономике газете, и Женя скорее права.

Деньги, к сожалению, не растут на деревьях, их не выдают просто так, а собственных их средств вряд ли хватит на что-то серьёзное и вразумительное. Отчитаться по гранту, опять-таки, они вполне смогут, да и рабочий прототип есть — это всегда... ну, почти всегда плюс. Водила когда-то Лиза знакомство с людьми, у которых на руках был прототип, но рядом с неведомыми идеями и красивыми обещаниями высокотехнологичного они проигрывали. Почему? Спросить стоит у конкурсных комиссий.

— Может, проголосуем? — обеда притихшую команду взглядом, робко предложила Лиза. — Сделаем опрос в конфе. Это было бы справедливо.

Света посмотрела так тяжело и многозначительно, что Лизе даже поллохело на секунду:

— Допустим, — и тон её потяжелел. — Займёмся этим позже.

Правда ведь занялись — потом.

— Есть ещё вопрос по продвижению.

— Ну, самые популярные соцсети — в контакте да одноклассники. Я бы сейчас не сильно парилась над раскруткой телеграм-канала или условной инсты, куда совсем не почитать заходят. Скорее всего, можно будет сделать просто автоматическое дублирование новых публикаций на нем... — протянула глубокомысленно Ксения. — Вот что, ну, собравшимся среди нас писательницам интересно? Как вы вообще пришли на платформы, где публикуетесь? Что могло бы привлечь? По-хорошему, нам бы устроить полноценное маркетинговое исследование с большими фокус-группами...

— Я могу запустить среди своих гугл-форму, а там разберёмся, — предложение последовало от Светы незамедлительно. — Сделаем разведочный анализ, так сказать.

— Меня в своё время на продамане привлекли конкурсы, — неловко призналась Лиза, как будто говорила о чём-то настолько постыдном, что в приличном обществе лучше не упоминать. — Призы там, правда, очень не очень, но конкурс янг эдалта был концептуально прекрасен. Ещё бы не абсурдные запреты, так и вовсе великопение бы вышло.

— Кстати, а это имеет смысл. Конкурсы и воз-

можность напечататься привлекают авторов.

Заговорила до того молчавшая Настя:

— У меня есть паблик вк на сто пятьдесят человек, где мы раз в две недели проводим баттлы. Обычно работы присылает пять-семь человек в среднем, лица в основном одни и те же. Могу попробовать сделать там вброс, а потом заманить аудиторию в “Пламень”.

— Я буду благодарна, Настя.

На том и разошлись работать.

“Перо и нож” заинтересовались, а маленькая типография, где работала их газетная верстальщица, Настя Лимонова, неожиданно согласилась напечатать пробный первый тираж — как только он будет сформирован, конечно. И даже по немного сниженной цене! Света так и сияла от восторга, что удалось сэкономить чуть-чуть, и на радостях принялась за вторую краудфандинговую кампанию, нацеленную именно на физическое издание журнала. Работа над порталом подходила к логическому завершению, и к моменту открытия выкладывающихся авторов насчитывалось два десятка. И близко не объёмы приснопамятного автор.тудей, но и специфика у них другая. Работало всё без багов — уже отлично. Ксения прямо-таки сияла, когда добавляла новый проект в резюме, и тут же набросилась на телеграм-бота, чтобы дублировал новые публикации.

А Лиза написала заметку в своём блоге. Это немного, но зато это честная работа, и после той заметки посещения резко выросли. Конверсия, правда, оставалась небольшой, но нагрузку портал выдерживал — и то вперёд, как сказала Ксюша.

И всё шло хорошо, пока...

— Так чем мы сами будем принципиально отличаться от “толстых” журналов? Как мы сможем стать гарантом того, что именно у нас читатель найдёт что-то действительно стоящее? Всё-таки наша редакция пока не самая, скажем так, мастистая.

Света даже замолчала на несколько минут, обдумывая ответ:

— Пока ничем, — только и сказала она. — Доверие надо завоевывать постепенно. Дать первый годный тираж, прорекламить, захва-

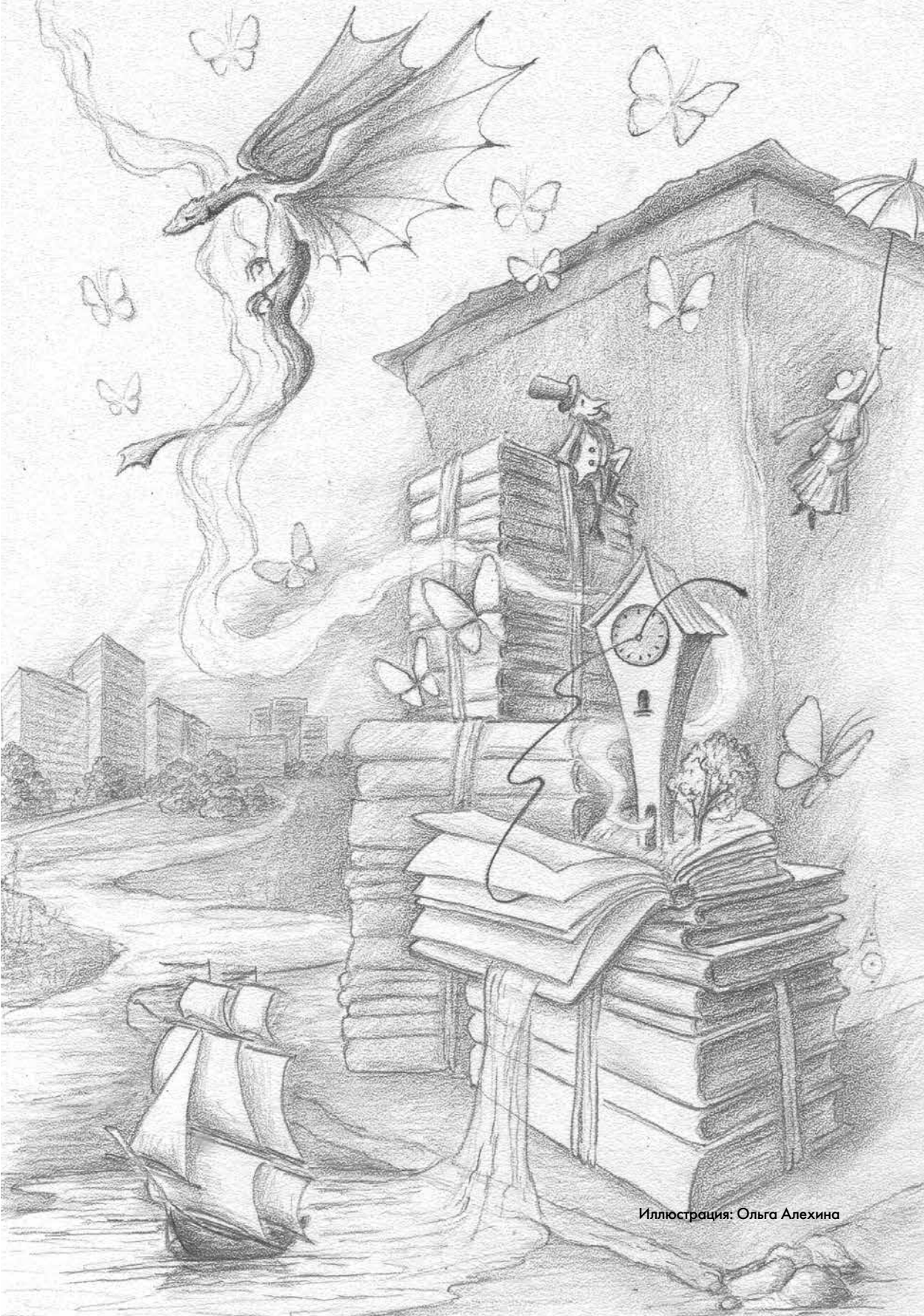

Иллюстрация: Ольга АLEXИНА

тывать внимание постепенно, но всегда держать планку.

— И насколько это реализуемо? — никак не унималась Женя. — Мы ноунеймы. Мы никто. А вес приобретает годами. Ни у кого из нас, ну, кроме, может, Лизы с её бложиком, нет стабильной большой аудитории.

Лиза следит, как тяжело выдыхает Светка, как сжимает на мгновение кулаки, но после, резко вдохнув, берёт себя в руки:

— И что ты предлагаешь?

— Нам бы кого-то с аудиторией. Буктьюбера, может, какого-нибудь.

Светка скептически вскидывает брови, и Лиза, в общем-то, её хорошо понимает.

— Терзают меня смутные сомнения...

И даже дышать стало тяжелее, как будто лёгкие сжало крепко холодными пальцами.

— Может, прекратим лучше этот спор и оставим его на потом? — и Лиза почти сразу поняла, что её дипломатический ход не удался.

Уже к концу вечера Женя вышла из команды.

Как оказалось, отбеливать бумагу не научились за столько лет.

Лиза внимательно рассматривала новенький номер — первый по счёту, выполненный на как будто бы крафтовой бумаге, цвета не то слоновой кости, не то древесной сердцевины. Как ни назови, а всё равно — совсем не белая; и, проведя пальцами по обложке, Лиза снова вспомнила бабушкины книги. Старенькие, изжелтевшие, с поплывшими строчками. Почти хрупкие — кажется, сдави посильнее, и отвалится корешок, а страницы рассыпятся прихотливо по полу.

Нет, это не то. Совсем не то. С другой стороны, всегда можно вовремя прокричать, что это ретро, эко, крафт, а то и всё сразу — вот толь-

ко теперь все будут такими же. А раньше было предметом для гордости, мол, поглядите, какая у нас бумага необычная, как будто пропитанная корицей или кофе.

Лиза вздохнула.

Света очень хорошо уловила этот вздох.

Какое-то время они обе молчали, лениво пролистывая первый выпуск. Вышедший, но не принёсший никакого удовольствия.

— Как думаешь, будут цензурить?

Опубликовали первым номером они повесть, мягко говоря, сомнительную, но заинтересовавшую либерального читателя.

— Самоцензура зачастую эффективнее официальной, — заметила Света сдержанно, но не без горечи. — Просто вспомните, что случилось, когда началась борьба с пропагандой того самого среди несовершеннолетних. Главное — поставить на обложку восемнадцать плюс и говорить погромче, что, дескать, ничего не боимся и пишем на скользкие темы. Да и... — Света ненадолго замолчала, помешивая давно остывший чай. — Книжный рынок не так влиятелен, чтобы его кто-то боялся. Какое кому дело, что там писатели накаляют в своих книжечках? Опять, небось, бахнут кипу макулатуры про попаданцев, магические академии и прочую шелуху, в которую можно нырнуть и забыть, что снова в шесть утра едешь на работу, а вернешься только к одиннадцати вечера. Литература стала эскапизмом, а не высказыванием. Никто не страшится писателя с затупленным пером и таким же страхом перед миром, как у ищущего передышки от непрекращающегося кошмара читателя. Никто не страшится тех, кто ищет не правды и обличения, а панического бегства.

— Но не все же...

— А я и не говорю, что все, — Света вздохнула. — Но многие. И их достаточно, чтобы создать значительную массу.

И снова обе замолчали, глядя на совсем не белые страницы.

Алиса Горислав

Снова начала писать в 2021 году.

Опубликовала работы в сборниках «Литкон», «Шумеры. Персия. Вавилон», «Муза на карантине», «Моя прабабушка была горой». Пишу фэнтези, бытовые психологические драмы и научную фантастику.

Пономарёв Александр

Бездарь

В кабинете у главного редактора журнала «Наш век» сидел известный во всем городе литератор Гарниров Лев Николаевич и пил чай с сушеными финиками, когда в дверь робко постучали, а в ее проеме блеснула залысынами голова мужичка средних лет.

- Кого еще нелегкая, - буркнул редактор, - ну заходите, что ли, раз вы и так наполовину уже здесь, не создавайте сквозняк. Извините, мэтр, я тут прервусь на секундочку, - кивнул он своему, развалившемуся в кресле, именитому собеседнику.

Внезапный гость, не замешкавшись, проскользнул внутрь помещения и, смущенно теребя нос, произнес:

- Я, так сказать, насчет рукописи своей побеспокоить. Пьеса «К черту на куличики», помните? Уже третий месяц пошел, как вы ответ дать обещались.

- Раз обещали - значит, дадим. Кто вы тут у нас, освежитесь-ка в памяти.

Посетитель с надеждой в голосе отрапортовал:

- Мухин я, Мухин Платон Иванович.

- Те-ак'с, - редактор потер ладоши и начал озираться по сторонам в поисках рукописи. - Куда ж она задевалась, проклятая?

Затем он пошарил взглядом по полкам, прошелся по стеллажам.

- Ума не приложу, хоть убей, а вы точно нам ее передавали? Может, в какое другое место отнесли?

- Не, куда раньше отнес, отовсюду вернули уже, - ответил мужик, простодушно улыбаясь, - вы последние. Посмотрите повнимательней, прозрачная такая папочка с желтым корешком.

Наконец искомая папка была найдена на подоконнике под электрочайником.

- Ваша?

Мухин кивнул.

- Ну тогда забирайте ее, макулатуру свою, Бога ради.

Редактор брезгливо смахнул пыль с папки и передал ее визитеру, стараясь держать рукопись таким образом, чтобы в глаза не бросалось сальное пятно в нижнем углу титульной страницы.

Мужик, осознав, что ему только что дали от ворот поворот, безвольно опустил глаза и ссутулился.

- И примите дружеский совет профессионала, - добавил редактор, горько усмехнувшись, - не пишите уже больше. Займитесь чем-нибудь стоящим. Резьбой по дереву там, макраме, йогой. Можете также смело прыгать с парашютом, играть на гитаре, плести корзины. В общем, занимайтесь чем угодно. Но только окажите любезность себе и окружающим - не пишите.

Мужик, все так же уныло сутулясь, медленно вышел.

- Так, на чем мы с вами остановились? - повернулся редактор к литератору, когда за несчастным автором захлопнулась дверь. - Ах да. Вот уже третий месяц пошел, как все мы с нетерпением ждем вашу новую работу. Но воз, как говорится, и ныне там. Что же мешает вам сдать рукопись, наконец? Разве мы не перечислили вам аванс? Перечислили. Причем дважды даже. Мы трижды напрасно резервировали под вас полосы в нашем издании, а в прошлом месяце так вообще выпуск тиража задержали. Читатели в недоумении. Спонсоры волнуются. Поэтому в данной связи у меня к вам только один вопрос - Когда?

Иллюстрация: Михаил «TOONZ» Болотов

Гарниров отставил кружку и прочистил горло.

- Пьеса покамест в работе.

- Мы это уже слышали.

- Остались последние штрихи.

- И это мы тоже знаем. Вы мне, пожалуйста, конкретику, конкретику дайте.

- На следующей неделе предполагаю приступить к контрольной вычитке пьесы...

Литератор блефовал. На самом деле он вовсе не собирался вычитывать пьесу. Потому как вычитать там возможно было всего четыре слова: «Акт первый, действие первое».

Но это была еще только половина беды. Вся же беда заключалась в том, что автор твердо знал нечто, о чем не подозревал больше никто на свете - маститый мэтр напрочь исписался. Ни единой мысли, за последние полгода, ни единой строчки, ни одной паршивенькой буквы. Ничего!

- ... И можете даже не сомневаться, что через месяц все увидят ее на страницах вашего уважаемого издания, - добавил Лев Николаевич убедительным тоном.

«Повеситься, что ли?» - мелькнула у него шальная мысль, когда он, галантно раскланиваясь, вышел из кабинета.

Расставшись с редактором, Гарниров, мрачнее тучи, направил свои стопы напрямик к двери с табличкой «WC». В животе у него пронзительно урчало. То ли на нервной почве, то ли финики ока-

зались несвежие.

Исполнив свое дело, он озаботился тем, о чем было бы уместней подумать еще накануне, но что он в своем потерянном состоянии как-то упустил из виду: «Есть ли вообще туалетная бумага в этой дыре?»

Гарниров растерянно оглянулся в поисках хотя бы завалющейся газетенки, а еще лучше экземплярика журнала «Наш век».

Но тут его блуждающий взгляд ненароком упал на урну, из которой торчал желтенький сальный корешок: «Опанки, да это ж пьеса того никчемного писюка! Так вот где, значит, нашло свой последний приют графоманство. Очень символично. Ну что ж, за неимением гербовой...»

Литератор вытащил двумя пальцами папку. Внезапно в нем проснулся профессиональный интерес или, если хотите, профессиональная ревность, и тогда он, устроившись поудобнее, углубился в чтение.

Так незаметно пролетели полчаса. Желудочное расстройство у Гарнирова давно закончилось, в дверцу кабины уже раз десять требовательно стучали, а он все никак не мог заставить себя оторваться от чтива, которое захватило его с головой. Мэтр уже больше не помышлял о том, чтобы наложить на себя руки. Перед ним забрезжили более привлекательные перспективы. И какие, надо сказать, перспективы!

...Ровно через месяц, как и было предсказано мэтром, в журнале «Наш век» вышла пьеса, которая произвела настоящий фурор в областной литературной среде. Все сошлись во мнении, что это, безусловно, лучшее творение Гарнирова, так сказать, вершина его творческой мысли. В мэрии по этому поводу закатили большой прием, на котором присутствовал весь культурный бомонд. Ах да, пьеса называлась «К бесу на каравай».

Пока виновник торжества скромно принимал поздравления, редактор, светясь от блаженства, трубил со сцены в микрофон, что за последние двадцать лет он не то чтобы не издавал - не читал более яркого и самобытного произведения, чем «К бесу на каравай». Ему рукоплескал зал. Аплодисменты изредка прерывались хлопками, которые издавали откупориваемые бутылки шампанского.

А в это же самое время в своей малогабаритной квартире, затерявшейся где-то на окраине города, сидел, обхватив руками плешь, невостребованный драматург Мухин и в поисках вдохновения, а может быть, тщетно пытаясь уйти от гнетущей действительности, пил горькую. Рядом с ним на кушетке прикорнула его жена, держа в руках последний выпуск «Нашего века», и тыкала в строчки своим худым длинным пальцем.

- Читал уже новую пьесу Гарнирова? Нет еще? Ознакомься, не поленись. Заодно поучись у классика, как писать следует. А еще лучше, вообще заканчивай эту бодягу, озаботься чем-нибудь общественно полезным, наконец, карьерой займись, ремонт вон на кухне сделай. Гарниров - настоящий талант. Подумай, кто ты рядом с ним? Жалкий бездарь, без - дарь. Без дара, короче! Бросай ты это дело, не твое оно вовсе. Себя вон истрепал, меня всю измучил. Горе ты мое луковое, - всхлипнула она и прижала понурюю голову бездаря к своей груди.

Александр Савостьянов

Воображение — тиран

«На крыльях вымысла носимый,
Ум улетал за край земной...»
А. С. Пушкин

Воображение – тиран.
Я придержу его, где надо,
Где подстегну блаженства радость,
Развевя горестный туман.

Я у него – на поводу –
Оно на всё, на всё способно;
У врат Фортуны ждёт беззлобно,
А я умней – я тоже жду...

Воображение – обман,
Но для меня оно – блаженство
И явный признак совершенства,
На всё способно, и весьма.

Нарисовав дорогу в Ад,
На крыльях сказочных снижаясь,
Я испарюсь, не дожидаясь,
Когда меня казнит Пилат.

Воображения кумир,
Переступив за все границы,
Я вижу радостные лица
Вернувшись вновь
В реальный мир.

Генерал Палач

«Казнить нельзя помиловать...»

Героям – шипы и розы, нищим – Луна и грош.
Бойцы революций – черти – лихо несутся вскачь.
Скелет гильотины грозен: лезвием страха – нож.
Совсем равнодушен к смерти мой Генерал Палач.

О Боже, в огне Вандея – жертва тёмных людей.
Свобода, Равенство, Братство – пленники неудач –
Во все глаза проглядели слёзы и кровь страстей...
Отвага – залог богатства, мой Генерал Палач!

Изгой ищет хлеба, сильный ищет везде подвох.
Нелепый театр абсурда – связка «бедняк-богач».
Курганы, кресты, могилы, всхлип и бездонный вздох.
Под маскою драматурга – мой Генерал Палач!

От времени не старея, жив до сих пор Дракон...
Историю судит строго мой Генерал Палач,
Где гроздьями гнева зреет Новый Армагеддон.
Палач – заместитель Бога...

Только...
при нём
не плачь!

Александр Савостьянов
Поэт. Писатель. Гражданин

Шилько Аделина

Ложная мудрость

Ложная мудрость у рта уголка
Слаще медового сота
Льётся рекой избылья река
Гордая тленьем природа

Сколько у мудрости яда и мёда
Всё принимает безумный глупец
Мудрость земная — виденье без Бога
Ложный по жизни с уловкой хитрец

Мудрость для Бога — безумие есть
В ложном видении мира
Лишь представленья умами творим
Подсказкой убийцы — кумира

Вопль к Богородице

Когда трудно,несносно и больно
На груди я ладони сложу
Помолюсь чудотворной иконе
О печали своей расскажу

Попрошу её слёзно и тихо
Распахну свою душу окном
Пусть войдёт живоносной струёю
Залетит золотым мотыльком

Расскажу,что опять согрешила
Как опять моё сердце болит
Как в смятении душу терзаю
Что опять благодать улетит

Я признаюсь,что гордость пробралась
Не смогла я её удержать
Опечалила душу другую
Не смогла я смиренность стяжать

Каждый день я Христа распинаю
Богородице Дево! Прости
Укрепи мою душу слезами
В покаянии крест свой нести

Я не актёр уже...

Я не актёр уже, а просто наблюдатель
 Внимающий уму, откинув чувства прочь
 Всё думаю: — А сколько сил я тратил,
 Чтобы себя в потугах превозмочь?

На ложный путь, на развлечения
 Как на свободу я глядел
 Цепей, опутавшее тело,
 Не видел, а потом не захотел

Теперь я просто наблюдатель
 В ускоренных событиях времён
 Переоценку ценностей давать пытаюсь
 Ненужными вещами окружён

И современный мир мне чуждый
 Я просто гость, я здесь гощу
 Разоблачает ум сурово
 Отшельник я — чего ищущ?

Как хочется избавиться от лишнего,
 Которое стесняет грудь
 Чтоб облегчить дорогу в вечность
 Избавившись от тяжести, вспорхнуть

Мы изучаем всех, но только не себя

Мы изучаем всех, но только не себя
 В душе своей не можем разобраться
 Мы любопытны в зрелищах мирских
 Но мы не любим изменяться

Где путеводные небесные светила,
 Которые укажут к сердцу путь?
 Мы всё становимся слабее
 И вся причина — наша суть

Мы просим хлеба, просим зрелищ,
 Чему здесь удивляться
 Совсем не думаем о том,
 А как душе спастись?

Мы любим всех, но только не себя
 Любовь — в союзе совершенства
 Сначала полюби себя
 Чтобы отдать другому сердце

Надменный разум

Наш разум надменный — падения плод
От райского дерева падший
Вместилище суетных, мелких забот
Во тьму без плода уходящий

Наш разум ленивый в пустыне глухой,
Окутан туманом томленья
Не может он Истину света вместить
Во мгле рокового забвенья

В печали, когда неизбежной таясь,
Роятся вопросы сомненья,
Зачем я живу? Зачем я грешу?
Но нет вам на них объясненья

Рождает сомненье — отсутствие знаний,
А вера рождает прозрения свет
Лишь в Истине Божьей она пребывает
Лишь в ней ты найдёшь свой щемящий ответ

Шилько Аделина

Внезапно начала писать стихи с февраля 2021 г. До этого не была связана ни с литературой ни с поэзией. Для написания стихов послужила база изучения трудов Святых Отцов, в частности И. Брянчанинова. Его учение выкладываю в стихах. В марте 2022 г. номинирована на литературную премию «Наследие — 22» на Стихи.РУ

Ева Новак

Не в этот раз

Алесса стояла под проливным дождем и рассеянно озиралась по сторонам. В другой день она бы с радостью пошла плескаться по лужам, но не сейчас. Сейчас ей нужно было добраться домой, чтобы бабушка не переживала.

Такси проехало по лужам и остановилось возле девочки. Алесса только однажды ездила на такси, и сейчас ни минуты не сомневалась, что водитель окажет ей услугу и отвезет домой. Малышка подбежала к машине и потянула за ручку. Дверца открылась, в нос ударил аромат восточных благовоний.

Едва взобравшись на сиденье, Алесса оглядела шофера, не решаясь озвучить свою просьбу. На нее с улыбкой смотрел мужчина средних лет с заметной сединой в волосах и густыми бровями, за которыми было сложно рассмотреть его глаза.

— Куда? — спросил он у девочки.

— Лемон-стрит, 36, — ответила Алесса. — Мой дом напротив школы, знаете? Синий с желтыми окнами.

Шофер кивнул и надавил на газ.

— Я попрошу вас ехать быстро. Меня дома ждет бабушка, у нее больное сердце и если я вовремя не приеду, она будет волноваться, — добавила малышка и принялась поправлять складки на юбочке.

За время работы в такси, мужчина повидал разных пассажиров и детей тоже. Совсем юных попутчиков, как Алесса, он подвозить не любил.

— Можешь звать меня мистер Картер, а тебя как зовут? — спросил шофер малышку.

Он решил вежливо разговаривать с девочкой, чтобы ей было не страшно находиться в компании незнакомца.

— Приятно познакомиться мистер Картер, меня зовут Алесса, — услышал он в ответ. — Алесса Браун.

— Интересное у тебя имя, — произнес шофер и задумался. — Кажется, оно означает “послушный ребенок”. Ты и вправду послушная?

— Не знаю, думаю, да, — полушепотом произнесла попутчица. — Я не хочу расстраивать бабушку, поэтому слушаюсь ее и выполняю просьбы. Ей даже просить меня не надо, я сама хожу за молоком и отношу на почту письма. А еще всегда поливаю цветы, даже те, что стоят высоко на полках, потому что бабушка не может до них дотянуться, а я могу, если встану на стул.

— Вы с бабушкой живете только вдвоем? — уточнил мужчина. — Почему твоя мама не может сама полить цветы, а отец отнести письма на почту?

— У меня нет родителей, они умерли в день моего рождения, — сказала Алесса и глубоко вздохнула. — Я вот-вот должна была появиться на свет, когда отец вез маму в больницу. По пути их автомобиль занесло по скользкой мостовой, он слетел в кювет и врезалась в ограждения. Отец погиб сразу же, мама продолжала бороться за мою жизнь, пока мимо проезжающая скорая не увидела аварию. Они оба отдали свои жизни взамен на мою, так и получилось, что мы с бабушкой остались вдвоем.

— Ого, какая нелегкая у тебя судьба, — ответил шофер и покачал головой. — Нужно быть очень храброй, чтобы несмотря на трагедию не унывать.

— А как иначе мистер Картер? — спросила малышка и снова стала поправлять складки на юбочке. — Больше никому заботиться о моей бабушке, а если она будет за меня беспокоиться, то ее тоже не станет. Сегодня как раз мой день рождения, мы шли навестить родителей на кладбище. Они умерли шесть лет назад. Но мы до них не дошли, потому что я потерялась. Бабушка, наверное, уже дома и сильно за меня волнуется.

Шофер нервно забарабанил пальцами по рулю, машина застряла в пробке на перекрестке. Алесса смотрела на яркие вывески домов на проспекте. Дождь не прекращался ни на минуту и затопил уже часть тротуара. Людям с цветными зонтами приходилось перепрыгивать через лужи. Автомобильные дворники хорошо справлялись со своей задачей и прогоняли капли дождя с лобового стекла.

— Уже пять вечера, — сказала малышка. — Как вы думаете, я успею повидаться с родителями?

Мужчина резко выкрутил руль в сторону и выехал на встречную полосу, чтобы развернуться. Он вдавил педаль газа в пол и помчался что есть мочи в то место, где подобрал маленькую попутчицу.

— Не в этот раз Алесса, — ответил шофер. — Не в этот раз.

Девочка сидела молча, успевая лишь поворачивать голову за проплывающими мимо зданиями и людьми. Вдруг машина остановилась, дверца открылась, в салон ворвался запах мокрого асфальта.

— Поспеши Алесса, — сказал шофер. — Это такси сегодня не для тебя.

Малышка выскочила наружу и громко хлопнула дверью. Такси уехало так быстро, что она едва успела рассмотреть надпись: «Харон», украшающую крыло автомобиля.

Девочка посмотрела по сторонам, ее взгляд остановился на толпившихся людях. Подойдя ближе, Алесса увидела разбитый автомобиль и плачущую старушку.

— Бабушка! — крикнула девочка, все вокруг засуетились. — Бабушка, бабушка, не плачь, ты слышишь меня?

В ту минуту парамедики уже собирались уезжать с места аварии, пока один из них не услышал, как девочка, не подававшая ранее признаков жизни, начала тихо стонать. Алесса вместе с бабушкой шла на кладбище к родителям, но на переходе их сбил автомобиль, за рулем которого был пьяный водитель. Старушка отделалась царапинами, а девочке досталось больше. Только благодаря чуду Алессе удалось выжить.

Ева Новак

Начинающий автор из Гомеля. Пишу прозу, люблю социальную фантастику и киберпанк, мечтаю выпустить сборник фантастических рассказов о будущем.

Селедцов Олег

* * *

А август скоротечен, как февраль,
А на глазах Петра зрочки сердечком.
Год выплакан дождём. Его не жаль.
А жаль лишь то, что жизнь не бесконечна.

Погибнет август розовый со сна,
Февраль погибнет, не дожив до марта.
Но в перелесках юная Весна
Стихи слагает с девичьим азартом.

Я жить люблю. Страдая и любя,
Люблю безумно августы, февральи.
И в каждом дне и месяце тебя
Люблю и разлюбить смогу едва ли.

В висках давленьем вызрела гроза.
Бунтует кровь туманом с Чёрной речки.
Ах, медный Пётр мой, твои глаза
Умеют мир заковыпать в сердечки.

Это сладкое слово – ЖИЗНЬ!

Неповторима, многогранна и изменчива,
С валторной вечности сквозь дни летит, трубя.
Как птица вольная и сладкая, как женщина.
Жизнь дорогая, я давно люблю тебя!

И в буднях серых я люблю тебя, проказница.
Ты выходные даришь мне и отпуска.
Пускай в глазах твоих небес чертинки дразнятся,
Пусть голова кругом и носом кровь, пускай.

Ворчу бывает, поношу тебя украдкой я.
Не верь брюзжанию, ведь, конечно, я другой.
Такая нежная, желанная и сладкая,
Позволь ещё хотя б чуть-чуть побыть с тобой.

И в яви нынешней, и в будущем безвременьи
Я не предаю во веки твоего огня.
Просить не стану у тебя наград и премии,
Прошу чуть-чуть всего: не предавай меня...

Чудесная страна

Повенчанный с тихой лирою,
Разбив горизонты о высь,
Я утром, друзья, эмигрирую
В страну под названием Жизнь.

Там можно без страха и горести
Дни сладкие кружками пить,
Лишь если не врать своей совести
И памяти не изменить.

Там можно рассветы воскресные,
Медовые ложками есть,
Лишь если в рассветах воскресли бы
Забывшие доблесть и честь.

Там ночи царят непохмельные,
И кружат тебя во хмелю,
Лишь слившись крестами нательными,
Ты снова ей шепчешь: «Люблю».

Там звёзды танцуют неистово,
Целуется с волнами плёс.
Но нету надёжной там пристани,
И нету там взлётных полос.

Там берег укрылся торосами,
Туда не дойдут корабли.
Туда этой ночью матросики
С последней атакой ушли.

Повенчанный с грустной лирою,
Сроднив горизонты и высь,
Я утром, друзья, эмигрирую
В страну под названием Жизнь...

Перевал

Отряд уходил к перевалу.
Шли люди из боя без сил.
Закат угрожающе алый
По следу насмешливо плыл.

Вершины сквозь глыбы прицелов
Сулили им скорую смерть.
Измученным, рваным, нецелым
Дойти бы до ночи успеть.

И в узеньких скальных воротах
Прикрыть поредевший отряд
Остался с одним пулемётom
Совсем ещё юный солдат.

Бесстрашный, безусый, бездетный,
Ах, что же он знал о войне?
Он жизни ещё не изведal,
Со смертью сроднившись вполне.

Совсем нецелованный кем-то.
А впрочем, его ли вина?
Ему пулемётная лента
Невеста теперь и жена.

Наверно, читатель мой строгий
Геройского подвига ждёт.
Недолго на горной дороге
Прощально кричал пулемёт.

Не верьте ни в басни, ни в сплетни.
Отряд не вернулся домой.
Он принял, как в песне, последний
Свой самый решительный бой.

Сквозь выстрелы, взрывы, сквозь небыль,
Без венчиков белых, без крыл,
По лестнице в тихое небо
Погибший отряд уходил.

Закат, спрятав злую ухмылку,
В раздумье обнял перевал.
И плачущий ангел в затылки
Мальчишек седых целовал...

Селедцов Олег

Член Союза писателей России. Автор 24 книг стихов и прозы. Автор более 300 публикаций в журналах: «Москва», «Наш Современник», «Дружба народов», «Молодая гвардия», «Юность», «Литературная учёба», «Воин России», «Благодатный огонь», «Литрос», «Русский дом», «Невский альманах», «Родная Ладога» (Санкт-Петербург), «Север» (Петрозаводск), «Странник» (Саранск), «Южная звезда» (Ставрополь), «Дон» (Ростов-на-Дону), газетах: «Литературная газета», «Российский писатель», «День литературы», «Литературная Россия» и других. Еженедельником писателей «Литературная Россия» включён в число 50 ведущих писателей Южного федерального округа. Включён в список лучших русских писателей 21 века на сайте «Российский писатель». Участник форумов молодых писателей России 2001 и 2004 годов, стипендиат министерства культуры России по итогам 2004 года. Лауреат международных и всероссийских литературных конкурсов. Обладатель Золотого Диплома IX Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь» - 2018. Заслуженный работник культуры Республики Адыгея. Награждён Орденом Преподобного Сергия Радонежского 3 степени и медалью Сергия Радонежского 1 степени. Награждён высшей наградой Союза писателей России – медалью имени Шолохова.

Сергей Рупчев

Одиночество

Стремиться к одиночеству не стоит
Утрата веры в человека — это норма
В груди рванёт, утихнет, изредка заноеет
В тебе опять произойдёт реформа

Захочется скорей уединиться
Нередко отрезвляясь алкоголем
До тошноты противны станут лица
И постепенно, но уходит боль

И пусть не сразу, но опять вакантно
В итоге будет это место катастрофы
И как обычно, сотни конкурсантов
Готовы будут от тебя принять швартовы

Ведь одиночество порою самый тяжкий груз
Для линии кривой в судьбе стандартное лекало
У одиночества один лишь только плюс
Никто не стянет с тебя ночью одеяло

Иллюстрация: Алина Рагель

Подслушано

Симпатия, знакомство, встречи
Прогулки, смех, букеты роз
Звонки, открытки, звёзды, вечер
И тот единственный вопрос
Руки и сердца предложенье
И клятва верности с кольцом
И не скрывая возбужденья
Нога трёт ногу под столом
Всё сообща, всегда быть вместе
И планов целый горизонт
Чтоб ипотеку взять на тестя
Своими силами ремонт
Работа, дом. И в гости к маме
По выходным и на д.р.
Балкон, увешанный носками
Короткий отпуск в сентябре
Беременность, роддом, ребёнок
Нервозность, вялость, недосып
Комод для чепчиков, пелёнок
Простуда, кашель, сопли, грипп
Учёба, ранец, обувь, шуба
Всё чаще хочется уснуть
И отложить лечение зуба
Чтоб до зарплаты дотянуть
Долги, авансы и кредиты
Ответ всё тот же — денег нет
И двухнедельная небритость
Комфорта зона — туалет
Скандалы, ссоры, оскорбленья
Бухать с друзьями, тёща, мат
И на исходе уж терпенье
По пьяни в морду врезал брат
Развод, проклятья, слёзы, мука
Раздел имущества, истец
И наконец, вердикт — разлука
Всё. Одиночество. Конец.

Иллюстрация: Шаркова Евгения

Алексей Клиничин

Никакое название не придаст этому смысла

Когда на ветках нет листвы,
Её с лихвой заменит иней,
Чтобы не видеть пустоты,
На фоне неба чёрных линий.

Завесой хлопьев валит снег,
Эфир собою заполняя,
Как будто не было и нет
Души бесцельного зиянья.

Сквозь плотный слой направлен взгляд,
Но ни опоры, ни преграды —
И ни о чём не говорят
Высоток серые громады.

Как будто смысл не исчезал
В людьми замусоренной бездне,
Как будто нравственный подвал
Кому-то кажется полезней.

Обходит время стороной
Мечтанья юности наивной,
И каждой зимнею порой
Тоской я полон неизбывной.

15.12.2021

Алексей Клиничин

Родился в Перми в 1987 году. Пишу стихи с 6 лет. Перевожу с английского, французского, идиш. В основном, пишу по-русски, но случается иногда и по-английски. Есть несколько самостоятельных стихотворений на идиш. Вдохновляюсь женщинами, еврейской культурой и яркими событиями повседневности.

Владимир Алесковский

Один

Достал ключи
Открыл своей квартиры
Дверь
Там нету никого и ничего
Лишь неба
Синева
И тишина
Один
Где родственники
Все теперь у Бога
Остался
Я
Один
Живой
Страшна
Бесчеловечная война

Владимир Алесковский

Родился в Москве жил учился работал в Санкт Петербурге. Последнее место работы - Северо-Западный Институт управления РАНХиГС при Президенте РФ. Более 50 научных и учебно-методических работ. Член Русского географического общества

Иван Федулов

Муза (Олегу Козак)

...
Ни диадемы, ни венка,
струится нежностями блуза...
Наверно, так приходят музы
через пространства и века...
Из невесомых светотеней,
без предпочтений цветовых,
без арфы, крыл и обнажений,
или туманов дождевых...
Их взгляд без хлада и упрёка
спокойной верою в тебя
заполнит пределы дня,
а перстень жертвенного рока
не обратит твоих дорог,
как, может быть, желал бы бог
ещё у юности далекой,
когда так просто было жить,
учиться навыкам ремёсел
и плыть в чужих брегах без вёсел,
и всем соблазнам уступить
хотя бы раз.
Простите, дева,
печали кисти и пера!
Не переполнен мир добра
и также жаждет рыб и хлеба,
все меньше таинству души
и созерцанью предаваясь...
Я, мало верю людям, каюсь!
Кому писать теперь, скажи!
И прозвучало на пороге
моих пределов городских:
— Творцы – всегда немного боги,
пока любовь в искусствах их.
Любовь – призвание твое,
а... что ты... хочешь... за неё.

Дмитрий Рахмилов

Встреть меня...

Встреть меня по весне многоликой,
Когда всюду трезвонит капель,
Когда сходит на мир деловито
Моложавый красавец-апрель

Встреть меня обжигающим летом,
На развилках тернистых путей,
В бесконечных узлах интернета,
В миражах социальных сетей

Встреть меня на заре, на рассвете,
Скрой застенчиво радость свою,
На загадочной дивной планете
Или в богом забытом краю

Встреть меня совершенно случайно,
Там, где были вдвоём в первый раз,
Там где осень хранит свои тайны
От влюблённых до одури нас

Встреть, когда, догорая закатом,
Тлеет прошлое сизым дымком,
Встреть уже не стилигой патлатым,
А солидным седым мужиком

Встреть меня, когда шепчут берёзы,
И рябины грустят о своём,
Когда небо на землю льёт слёзы
Сиротливым и пасмурным днём

Встреть меня, где седые туманы
Укрывают завесой поля,
Встреть меня январём полупьяным,
Когда сменит убранство земля

Встреть меня неподдельно и нежно,
Запоздалым нелепым звонком,
Океаном стихийно-безбрежным
Или крошечным в нём островком

Встреть меня молчаливо и просто,
Даже если соскучишься вкрай,
Встреть, как раньше, в шальном девяностом,
И, спустя столько лет,... не узнай

Легенда о Дербенте и Нарын

Гласит легенда из глубин веков:
Где волны разбиваются о камни,
Горам Кавказа среди седых хребтов
Наследник был дарован небесами

И был он назван именем ДЕРБЕНТ,
Он духом был силен и нравом славен,
Храним надёжно с запада от бед,
И Каспием с востока омываем

В морском прибое музу он искал,
Прохладу гор вдыхая с упоеньем,
Из родников и неприступных скал
Своим ремёслам че рпал вдохновенье

Молва о нём по свету разнеслась,
Как мог он обратить в творенье камень,
Как рисовал, ваял, трудился всласть,
Как укрощал легко поток и пламень

Шли годы и совет держать гонцы
К Дербенту отовсюду набегали,
Но, как и завещали праотцы,
Он волен был и честен с кунаками

Его манили златом, серебром,
Щедротами влиятельных империй,
А он ценил свободу, честь и дом,
Дарил добро и в дружбу свято верил

Он звонкий смех однажды услышал
Сквозь водопада рёв и шалый ветер,
Под вековыми склонами, у скал
Любовь свою — Нарын тогда он встретил

Но корни её были далеки —
Богат и знатен род их на чужбине,
И в даль он шёл, просить её руки,-
В разлуке с ней он жить не мог отныне

Отец Нарын пред юношей восстал:
Служить мне будешь камнем и железом,
Чтоб мужем моей дочери ты стал,
Воздвигни город вековой над бездной

И юноша построил город там,
Где, вечной стражи Цитадели внемя,
Он предавался о Нарын мечтам,
Сквозь груды лет и расстояний бремя

Владыка юношу благодарил
За тяжкий труд, усердие, старанья,
Но дочь свою с другим он обручил,
Солгав, и, не сдержавши обещанья.

И вот, спустя уже пять тысяч лет,
Лишь с ней, деля закаты и рассветы,
Стоит над синим Каспием Дербент,
Во всех веках поэтами воспетый

Пусть буйство вод и горных, и морских
Его ласкает в вечной колыбели,
Благословен будь древности родник,
Будь славен город с сердцем в цитадели!

Судьба вращает колесо эпох,
Нас сквозь века ведя неумоимо,
Наследие, что даровал нам Бог,
В единстве и с любовью сохраним мы!

Раздумья

Блекнет небесный круг
В полутонах свинца,
Валится Мир из рук
Слабнущего Творца

Из воспалённых пор
Брызжет фонтаном яд,
Мудрое слово — вздор,
Верное слово — мат

Шедший давно устал
Правду искать в ногах,
Бездари правят бал,
Претерпевая крах

Лесть разъедает слух
Жаждой дешевых благ,
Редкий сто первый — друг,
Каждый четвертый — враг

Пренарочита страсть
«Латексных» королев:
В полчерепушки пасть,
Всё, что помимо — блеф

Под монотонный клич
Выстроен ряд шутов,
В уши их льётся дичь
С барских слюнявых ртов

Разум — с катушек вон,
Честь в помине нет,
Гимн превратился в стон,
Мужественность — в балет

В бездне заблудших душ
Нравы сошли с орбит,
В зеркале грязных луж
Мир отрешён, безлик

Чашу испив до дна,
Впору держать ответ,
Жаль только — жизнь одна,
Шанса на дубль — нет...

Спи, город, спи...

Фиолетовый вечер чернилом пролился на город,
Полумесяц за дымкой повис безмятежным серпом,
Растворясь в полудрёме, витал дня минувшего ворох,
И задиристый ветер играл с приоткрытым окном.

За стеклом — тот же вид, те же краски и те же оттенки,
В кои зодчий мирской разбавляет свою акварель,
Да косматый десант серых туч, растянувшись в шеренги,
Всё садится на шпили высотных домов, как на мель.

На привычный портрет обречённо немеющих улиц
Нанесён, как автограф, свалившихся сумерек штрих,
Город, рясу надев, прохрипел, как смиренный безумец,
И, окрашенный в темень неведомой кистью, затих...

Я жду тебя всегда

В нашей встрече с тобой лишь проруха-судьба виновата,
Отворившая нам в чудный мир потаённую дверь,
Где, забыв обо всём, мы так счастливы были когда-то,
Где вкусить нам пришлось бы, едва ли, всю горечь потерь

Ты явилась, как фея — отдушиной в дни испытаний,
Как спасательный круг в океане несбывшихся грёз,
И, вошедший в экстаз от застенчиво-робких касаний,
Я тобою владел от заката до утренних рос

Лишь с тобой моя жизнь обретала реальные краски,
Я от счастья хмелел в ярком бархате розовых снов,
Я взывал к небесам, чтоб остаться с тобой в этой сказке,
За усладу приняв терпкий привкус любовных оков

Но идиллия вмиг обернулась горчайшим похмельем,
Понял я, как нелеп и непрочен подобный союз,
Ты прошла через руки у трети всего населенья,
И привычно легко ускользнула от вычурных уз

Нет для бывших твоих, в одночасье покой потерявших,
Ни намёка на шанс попытаться тебя вернуть,
Лишь тоска да печаль в их глазах, от бессонниц уставших,
И в разбитых сердцах, без тебя, нет желания жить

Я один из таких, вождельнем к тебе обречённый,
Как они, одержим, отпылавший от страсти дотла,
Благодарен тебе, самой ветреной и утончённой,
За мгновенья любви, за покой, что с собой унесла

Безвозвратно, как день, захлебнувшийся в лаве заката,
Ты ушла в никуда, не оставив мне даже следа,
Я, судьбе вопреки, всё же ждать тебя буду,....зарплата,
В летний зной и в мороз, ясным днём или ночью.. — всегда!

Дмитрий Рахмилов

Уроженец города Дербент, республики Дагестан, с раннего детства увлекался творчеством Высоцкого, Галича, Розенбаума, писать начал в возрасте 13ти лет, публиковался в «Пионерской правде», в местных изданиях, после окончания школы работал корреспондентом в городской газете, где основной деятельностью являлась проза, но в последствии совершенно четко сделал выбор в пользу поэзии.

Соня Пучкова

Чувствительный фотограф

Алые волны диких маков, позолоченные вечерними лучами, колыхались от проходящей мимо электрички. Яркий солнечный лучик протиснулся между двумя трепещущими пунцовыми лепестками и утонул в глубине моей камеры. Щелк-щелк.

Пекро' — деревушка у железной дороги недалеко от границы между бельгийскими Фландрией и Валонией. Дома — пряничные, с коричнево-красной черепицей на крышах. Слева поле с картошкой, справа дорога во Флориваль, позади темнел лесок. Солнце терялось там, за его зелеными шапками. Воздух здесь свежий, травяной, майский.

Целых две недели я ездил мимо Пекро, люблюсь алыми перекатами. Нигде в окрестностях не было так много маков. Они поднимались ярким ковром к железнодорожным путям и даже росли прямо на них, пробиваясь из-под камней, и у изгороди на полустанке. Две недели я смотрел, как маковый огонь разгорался все сильнее и сильнее, охватывая все вокруг железной дороги. Наконец, они околдовали меня, нашептали взять камеру на работу, а потом высадиться в Пекро на закате.

У меня было тридцать минут до последнего поезда. Пламенные цветы вокруг меня, голубовато-золотое небо надо мной. Тихо здесь, птицы щебечут. Жителей — никого. Все сидят дома, телевизор смотрят или в своих садах работают. Никто не видит человека, рыскающего с камерой среди маков. А эти, как некие духи огня, с невесомыми, почти нематериальными лепестками, смотрят в небо своими черными глазами. Им нет дела до того, что я пристально гляжу на них своим одноклазым фотоаппаратом. Но они качают пунцовыми головами, зовут: посмотри, посмотри! И я смотрю и дрожу от восторга и азарта...

Но вскоре мимо меня что-то с шумом проехало, и маки колыхнулись дружной волной. Поезд!

— Эй! Attendez!^[1]

Я бросился к полустанку, размахивая свободной от камеры рукой. Запрыгнул в поезд в последний момент и упал на ближайшее сиденье, пытаюсь отдышаться.

«Слабый я человек, да, слабый, — думал я, чувствуя, что до сих пор руки дрожат. — Слишком чувствительный... Всего лишь маки какие-то, а я разволновался... просто псих». Я принялся глубоко дышать, чтобы успокоиться, как мне советовали психологи.

Я всегда был такой чувствительный. Однажды в детстве родители водили меня в

картинную галерею в Брюсселе — и я рыдал все время, стоило только мне посмотреть на картины великих мастеров. Меня ругали, а потом просто увели оттуда. Никто, даже я сам, не мог понять в чем дело. Но потом понял, что тогда я просто очень глубоко чувствовал настоящее искусство и не мог сдержать эмоций.

Родители учили меня не плакать, потому что мальчики не плачут. И я старался не плакать публично, но рыдал запершись в своей комнате. Меня учили быть твердым, решительным, а я сильно тревожился обо всем подряд и чувствовал себя слабым, как былинка в поле, как маковый лепесток. С возрастом, конечно, стало немного легче: оброс толстой кожей, заматорел, просто иногда нервы шалят. Как сейчас.

Десять минут — и я дома. Маки на платформе и на путях рдеют здесь и там, но здесь не так, как в Пекро. Было уже поздно, поэтому поужинав, я сразу лег спать, оставив печать фотографий на выходные.

Мне приснился странный сон. Огромное алое маковое поле, и я на нем, но я не фотограф, а один из маков. Даже не цветок вовсе, а просто один из тонких легких лепестков. Я дрожу на свежем ветру, радуюсь, лечу вместе с другими лепестками. И был там еще кто-то другой, кто смотрел на нас — и на меня — с восхищением и улыбкой. Стоял над нами с фотоаппаратом в руке, а потом наклонился. Щелк-щелк. В этот момент солнечный луч пробился между мной и моим соседом, и все во мне загорелось, засветилось...

Я проснулся в слезах. Тогда я впервые подумал, что, может быть, есть кто-то больше меня, кто смотрит на меня, слабого, чувствительного, тревожного, и думает, что я прекрасен.

[1] Подождите!

Лана Никонова

Боевое крещение

«Такими темпами мне скоро на грудь знак повесят “Почетный донор СССР”. Или медаль? Ой, мутит, и голова поплыла», — с этими мыслями Ира отключилась.

Очнулась она от резкого запаха нашатыря. Над ней суежилась медсестра.

— Господи, девочка, как ты? Смотри на меня. Лежи, не вставай, — пресекла она попытки Ирки встать с кушетки. — Я тебя не первый раз на станции вижу. Ты нормально питаешься? Вон, прозрачная вся. Кровь из-за талонов сдаёшь?

— Нет. Я с бабушкой живу. Она меня на убой кормит.

— Да уж, на убой. Светишься прямо! Полежи немного. Потом чай с лимоном попьешь. У меня бутерброды с колбасой есть, поделюсь. Милая, и смотри, не приходи больше. О своём здоровье подумай.

После сдачи крови донорам выдавали талоны на обед в кафешке. Но самое главное, давали один выходной день. Именно по этой причине Ирка сдавала кровь. Уже в который раз.

Ирина училась на втором курсе университета. С первого курса ходила в походы. Сначала с альпинистами из городской альпсекции регулярно выезжала на скалы. Потом нашла единомышленников, увлеченных туризмом на факультете. Постоянной команды не было, и Ирина вместе с двумя подругами однокурсницами попадали то в одну, то в другую группу. В походы, как правило, уходили на праздничные или выходные дни. Если маршрут предстоял дальний, то девчонки сдавали кровь, чтобы не было прогулов.

В конце февраля к Ирине неожиданно подошла старшекурсница и пригласила в поход. Предло-

жила собраться у неё в общежитии, обсудить маршрут и экипировку. Девушки раньше не были знакомы. Старшекурсницу звали Александра. Училась она на четвертом курсе и слыла заядлой туристкой. В её копилке уже были категоричные походы: пешие, горные, лыжные и водные. Поговаривали, что она даже исследовала пещеры. Именно для спуска в пещеру Александра набирала группу.

Группа получилась девичья: Ирина с двумя подругами, три девушки курсом старше и руководитель похода Александра. На маршрут с дорогой заложили два дня. С учетом учебной субботы придется сдавать кровь.

Стали прикидывать необходимое снаряжение. Как не крути, надо брать две палатки. Вес брезентовой палатки немалый. Значит ещё 12 килограммов дополнительно. И тут Майка предложила взять в команду своего родного брата. И место во второй палатке не пропадёт зря, и тащить её будет кому. «Дебилоида моего младшенького можно взять. Разбавим женский коллектив, так сказать. Да и ему полезно будет экстрима схватить. Хотя», — Майка, махнув рукой, многозначительно замолчала. Вот на эту недосказанность девчонкам надо было сразу обратить пристальное внимание. Но...

Стали готовиться. Сдали кровь. Во время заборной которой Ирина как раз умудрилась упасть в обморок. Собрали рюкзаки, купили билеты. Выезд группы в ближайшие выходные. Дальше тянуть некуда. Пещера, в которую планировали спуститься девчонки, представляла собой лабиринт местами обводненных ходов и являлась руслом подземной реки. В начале весны, во время интенсивного снеготаяния, она становилась непроходимой.

В день похода у Ирки все пошло наперекосяк.

Она чуть не проспала. Соскочила, когда по радио заиграли гимн Советского Союза. «Блин поезд через час. Еще до вокзала добраться надо», — заметалась она по квартире. В вагон успела заскочить за минуту до отправления.

Плацкартный вагон — это чудесно! Можно поспать. Путь неблизкий. Больше шести часов на поезде. Потом полтора часа на электричке и километров пять пешком по глубокому снегу. Ирина толком не рассмотрела брата Майки. Лишь беглым взглядом окинула высокого под два метра здорового парня. Девушка представила: «Мой брат Серёга». Ребята рассредоточились по отсекам.

Под мерный стук колёс Ира уснула на верхней полке, расстелив под себя спальник. Белье в целях экономии туристы не брали. Проснувшись она от возни внизу. Ребята собирали на стол. Майка пилила брата: «Охламона кусок! Как пакет с едой можно было забыть? Ты что жрать будешь? Девятнадцать лет дубине, а мозгов нет!» Она замахнулась на детинушку, и он как то, сжавшись, начал слабо оправдываться. Девчонки даже прониклись жалостью к парню.

Всю дорогу Майка, как сказанная, воспитывала и контролировала братца: «Варежки не забудь, идиот! Дебил, шарф завяжи! Быстро наддел шапку, скотина, опять простынешь! Ты чё, козёл, стоишь, руки в боки? Помоги девчонкам!» В свои реплики интеллигентная Майка виртуозно влетала мат.

Иринка улучила минутку и потихоньку шепнула: «Майка, ну сколько можно? Ты его совсем затюкала!» На замечание незамедлительно получила предложение взять Серёгу на перевоспитание.

В сумерках добрались до места назначения. Нарубили лапника под палатки. Насобирали дров, приготовили ужин, посидели с гитарой у костра и стали готовиться ко сну. Ирке выпало готовить завтрак в паре с Серёгой.

Такой весёлой ночи у туристок ещё не было. Вначале Серёга долго устраивался на ночлег. В середине ночи он разбудил всех в обеих палатках, громогласно сообщив сестрице цель своей вылазки в лес. Спустя двадцать минут Майка

была вынуждена отправиться на его поиски. Под утро он замерз, и пришлось накидывать на него все имеющиеся под рукой вещи. В семь утра Иринка не могла разбудить его на дежурство, и Майка выволокла братца из палатки вместе со спальным мешком. Чайник, который к этому времени уже закипал, парень, запнувшись об одну из рогатин, опрокинул.

Наконец лагерь свернули и отправились к входу в пещеру. Сняли теплые объёмные куртки и переоделись в штормовки. В такой облегченной одежде передвигаться под землёй сподручнее. Увидев на одной из скал прикрепленную мемориальную табличку о гибели туриста, Серёга занервничал и вызвался покараулить рюкзаки с верхней одеждой, оставленные неподалеку от входа.

Вход в пещеру располагается на дне карстовой воронки. Спустились по верёвке, предусмотрительно привязанной кем — то из предшествующих групп. Правда, не обошлось без ЧП. Под конец спуска Серёга сорвался. Хорошо, что отделался лёгким ушибом.

Александра, как руководитель, идёт впереди. Роль замыкающего обычно отводят физически подготовленному, опытному туристу. Она достается Ирке. Сразу от входа начинается узкая наклонная щель протяженностью несколько десятков метров, по которой можно протиснуться только боком. Дальше спуск высотой около трёх метров. Внизу крошечная темнота.

Спустившись с уступа, ребята зажгли самые обычные парафиновые свечи. Налобные фонарики, с которыми ходят спелеологи, в страшном дефиците. У девчонок их нет. Ребята оказались в подземном зале. Стены его имеют красивый ребристый рельеф — следы воздействия потоков воды. Местами встречаются древние окаменелости. Вначале можно идти в полный рост. Но постепенно свод опускается. Полость заканчивается узким и низким коридором. Передвигаться по нему можно только пластунски. «Он так и называется — крысиный лаз, — информирует Александра. — После него будет новый зал с выходами в несколько галерей. Одна из них приведет к подземному озеру. А оттуда по широкому, как проспект, коридору пройдем к выходу из пещеры».

Благими намерениями выслана дорога в ад. Для поднятия мужской самооценки Ирина предлагает Сереге идти замыкающим. Чёрт! Парень не соблюдает дистанцию, постоянно наталкивается на ноги Ирки. То и дело слышно его сдавленное: «Не бросай меня! Подожди! Я застряну сейчас!» Вот он завыл во весь голос, получив ногой по носу. Ирка уже миллион раз пожалела, что не пустила его впереди себя, а пропустить его сейчас в узком лазе не получится.

Слава Богу, дошли до второй полости с галереями. Руководитель уверенно направляет группу в одну из них. Передвигаться по галерее в полный рост не получается, но хоть не ползти на брюхе. Тут ноги начинают скользить и разъезжаться. Под ногами мокрая скользкая глина. Продолжать путь можно только на карачках.

Сколько времени прошло с момента спуска, никто точно сказать не мог. Представление времени потерялось. Ребятам казалось, что прошло не более часа, но свечи стали догорать и гаснуть одна за другой. Когда погасла последняя, группа остановилась. Устроились прямо на вязкой глине. Глаза к темноте привыкать не хотели.

— Приплыли, девки! Не рассчитала со свечами, — подытожила Александра. — Давайте решать, что делать?

— Идти назад! — истерически завизжал Серёга.

— Если получится вернуться в зал, большой вопрос отыщем ли неприметный вход в лаз? — засомневался кто — то из девушек.

— А что здесь оставаться прикажите? — не унимался Серега и пронзительно завопил. — Помогите! Помогите!

— Заткнись! Хочешь, чтобы камнепад был! — ударила братца по хребтине подползшая к нему Майка.

— Успокойтесь все! — приказала Саша. — Пятнадцать минут отдыхаем, молчим и думаем.

Минуты в крошечной тьме тянутся долго. Слышны всхлипывания. Ситуация патовая: без освещения, еды, питья, во влажных штормовках.

Помощи ждать неоткуда. Местная спасательная служба даже не догадывается о спустившейся в пещеру группе дурочек со свечами.

Неожиданно Ирка, лежащая на животе, увидела под собой слабые отблески света. «Так и начинают сходить с ума», — подумала она. Но свет явно приближался и пробивался через многочисленные отверстия в карсте, которые она рассмотрела только теперь. «Девчонки смотрите, свет! Внизу кто — то есть!» — забыв обо всех правилах безопасности, закричала она. — Помогите!»

По галерее, расположенной под ними, проходила группа спелеологов.

— Вы как тут оказались? Сколько вас? — донеслось до горе туристок снизу.

— Восемь человек. У нас свечи потухли. Не можем выйти.

— Оставайтесь на месте! Идём к вам.

Через минут двадцать к ним пришла помощь. Ещё через полчаса девчонок вывели на поверхность.

Крепкие парни спелеологи с настоящим снаряжением долго ругали туристок: «Хотите новую мемориальную табличку на скале с надписью и датой: «Туристы! Снимите шапки. Здесь погибла группа идиотов в составе 8 человек. 26.02.1984».

Оказывается, в пещеру два входа. Тот, по которому пробирались девчонки только для подготовленных спелеологов. Обычные группы заходят без всяких затруднений по другому входу, проходят по широкой галерее в зал с подземным озером и этой же дорогой возвращаются. Маршрут, по которому шли девчонки запутанный. Без специального снаряжения сунуться по нему — смерти подобно. Девчонки плакали и смеялись одновременно, осознав возможные последствия своего приключения.

От поцелуев и объятий растроганных девушек парни отказались. Причина стала очевидной, когда туристки посмотрели друг на друга. Перемазанные с головы до ног глиной, они весьма напоминали чертей.

Слава Богу, живы, здоровы! Группа направля-

ется на станцию. Вечером ребята собираются в отсеке плацкартного вагона за поздним ужином. Заново переживают события минувшего дня. Вдруг Иринку осеняет.

— Саша, а ты не первый раз в эту пещеру спу-
скалась? — и, получив положительный ответ,
продолжает. — Ты знала о другом входе в пе-
щеру! Тем более, перед «крысиным лазом» ты
нас инструктировала по маршруту: «Оттуда по
широкому, как проспект коридору пройдем к
выходу из пещеры». Выход, он же вход. Почему
ты нас повела другой дорогой?

— Ну, мы же не матрасники*. Практически у
каждого за плечами пара — тройка походов,
у некоторых даже побольше. Задача была нам
вполне по плечу.

— Саша, а если бы не смогли выйти? Даже если
ты знала дорогу как свои пять пальцев, без ос-
вещения мы не справились бы, — продолжает
Ирина неприятный разговор. — Это чудо, что
спелеологи в пещере оказались!

— Вышли бы, — уверенно заявляет Александра,
достаёт из кармана куртки небольшой ручной
фонарик на батарейках и включает его. — Он
всегда со мной.

Девчонки, как зачарованные смотрят на его
свет. Повисает мхатовская пауза.

— Почему? — одновременно вырывается во-
прос сразу у нескольких девушек, — Почему ты
его не достала?

— Считайте, это была проверка. Вы её, кстати,
прошли. Так что с боевым крещением вас! Пред-
лагаю этим же составом отправиться на Саяны
в июле.

— А чё мы тебе подопытные кролики? Пошла ты!
— вдруг тихо, но веско сказал Серёга и забрал-
ся на свою полку.

Остальные последовали его примеру.

Больше с Александрой девчонки в походы не
ходили...

* «Матрасники» — туристы, не отходящие далеко от
туристической базы / палаточного лагеря или гуляю-
щие по горам в рамках автобусной экскурсии.

Инга Полякова

Нос

(глава из романа «Горбуны»)

Келвин-Джон носил накладные носы. Один обычный. Другой «живой». В аэропорт не имеешь права надеть неживой нос. Келвин-Джон и договорился, чтобы его ранили посерьезнее, чтобы не быть никак замешанным в «подстреле» генеральского отпрыска.

Работник контроля принес Келвину-Джону нос и говорит: — Одевай нос и все! Посмотрим, как наши носы ведут себя на таких контрабандистах, как ты! Марина Шайн — она наша Марина. А ты нет! Мы с ней еще разберемся, что делать! За нее еще заплатят, а ты уедешь, и поминай, как звали...

Заранее он налил оживляющей жидкости на нос, обучил, потом налил в нос воды, чтобы нос мог плакать и хрюкать.

Одел Келвин-Джон наш нос. А нос то вкривь, то вкось на его лице. Никак Келвин-Джон не похож на фотографию в чужом паспорте...

Стоит, значит, Келвин-Джон на контроле и вдруг... хрюкает... — Хрю-хрю... — И стал нос на Келвине-Джоне как пяточок. Ну никак не похож нос на фотографию. Это нос корки мочит. Внимательно посмотрела на него работник паспортного контроля:

— Ну хорошо, давайте сравним вас с фотографией, — сказала ему проверяющая. А тут нос как взял и отвалился! Келвин-Джон нос вовремя схватил и стал держать его руками.

— Уберите, пожалуйста, руки от лица, — сказала ему проверяющая. — Чтобы я смогла сверить вас с фото. — Келвин только начал шептать что-то носу... и убрал руки... Нос тут же отвалился на пол и побежал от Келвина-Джона. Нос по полу бегаёт. Келвин его ловит и опять в туалет...

Потом его русский накладной нос опять

отваливался по требованию. Не пропускает его паспортный контроль и все тут! Келвин-Джон схватил накладной русский нос и стал его поправлять, пошел в туалет приклеивать... Взял с собой супер-клей. Клей ПВА еще нормально, канцелярский клей уже хуже, но еще куда ни шло. Но суперклей — это совсем жестко. Потом отдирать с мясом.

Заходим в туалет — а там Келвин-Джон с носом разговаривает... Сидит, нос заговаривает. Потом с носом ругается! Пришел Саша Янченко — сидят теперь вместе с носом беседуют! Стал Келвин-Джон в туалете уговаривать нос, сначала на английском, а потом на русском. Стал Саша Янченко ему переводить. А нос ни в какую! — Не встану на место и все тут! Ходи с кривым... Ты контрабандист и хулиган!

Вот и отец Келвина-Джона с хвостом в сапогах скороходах пришагал из Америки сына из России забирать... Загрузили русскому носу английский, чтобы нос их понимал. Вдвоем стали нос уговаривать прирасти и хоть немного посидеть спокойно... А нос ни в какую, не хочет он сидеть спокойно и все тут! Хоть что с ним делай! Потом решили нос приклеить на скотч — отвалился. Потом на клей ПВА — тоже. Ну суперклей — это жуть. А что делать...

И сказал нос Келвину-Джону: — Так и быть! Проходи паспортный контроль. Посажу спокойно! — Думал Келвин-Джон, что договорился с носом и опять на контроль. Но обманул его нос. А теперь нос расчувствовался и заплакал. И льются у Келвина-Джона слезы из носа. И взял он капли и стал капать в глаза. Типа у него аллергия... А нос все плачет и плачет... И не хочет его, такого серьезного преступника, выпускать из страны...

Потом нос стал слезами в глаза стреляться. Знает, что выпускать до смерти сына генерала нельзя... А потом тем более.

Какой нос, всем носам нос! И хрюкает! И стреляться слезами умеет! И в глаз попадает! И никакие капли не помогут!

И не пройдет Келвин-Джон никак паспортный контроль! И плачет и плачет его нос!

Американцам уехать надо. У них генеральский сын умирает в больнице. А у них нос корки мочит... И Анна нервничает, сейчас ее не опустят. Не выпускают из страны за убийство ...

Пошли Саша Янченко с Келвином-Джоном и его отцом с хвостом опять в туалет нос уговаривать. Келвин-Джон носу и свой огнестрел показывал и рисунок оракла его возлюбленной, с которой через три года познакомится и женится... Но нос ни в какую... не вставал на место!

— Ну пожалуйста. Ну посиди спокойно полчаса, ну что тебе стоит? — шепчет Келвин себе в накладной нос, закрыв нос ладонями, чтобы носу хорошо слышно было.

Нос ему отвечает: — Ты рецидивист и контрабандист! Не будет тебе счастья! Вон из-за тебя сколько солдатиков погибло по всему свету! Из-за твоих-то ружей! Иди в тюрьму и все тут! Не приклеюсь я хоть на ПВА, хоть на суперклей! А приклеюсь так, что не отдерешь никогда!

Но делать Келвину-Джону нечего. Решил приклеить нос на супер-клей, чтобы покинуть Россию и вернуться домой, в Америку.

...Ой, не хотел ехать Келвин этим летом в Россию. Но поехал из-за матери. Чтобы спасти ей жизнь... взять звезду... А брат его заплатит в тюрьме... Оракл говорил ему, что сложно все будет там. И много потом людей будет замешено и много потом сядет и будет серьезное дело и серьезная заварушка... И все равно поехал тогда Келвин из-за матери... Как сказал его хвостатый отец, из-за матери поехал... Не мог иначе... Не смог он сидеть спокойно, когда мать мог спасти... И жизнью рисковал. И получил от себя из будущего через своего оракла в шести поколениях весточку,

что лучше, что он сделал в жизни, это съездил тогда в Россию... и поставил из будущего свой фирменный знак — верить без сомнений... И решил тогда ехать Келвин в Россию во что бы то ни стало!..

И вдруг в воздухе появилось сообщение — умер генеральский сын от ран.... И опустилась плаха над Анной... и отвисла у всех америкосов челюсть...

Сказал тогда работник аэропорта Келвину-Джону: — Ты подожди клеить нос на супер-клей. Иди в туалет! Сейчас мы поговорим с твоим носом!

— А почему это ты мне помогаешь? — спросил его Келвин-Джон, внимательно на него посмотрев.

Радостно отвалился нос от Келвина-Джона. Взял его охранник в ладони. Держит нос в ладонях и говорит ему, и объясняет охранник ситуацию носу: — Там дети в рабстве. А американцы эти — козлы отпущения... там мальчики мучаются... Ты приклейся и сиди... Они потом вернутся, и их посадят за рабство... — И его? — спросил нос про Келвин-Джона... — Нет, его вряд ли. Но может и его... но если не выпускают его, то их тоже не выпускают... А они козлы... Их надо выпустить! — И тут поверил нос охраннику, смягчился и приклеился сам к Келвину-Джону, даже без супер-клея.

И нос прирос. Понял все и прирос. И больше не выпендривался...

Какой нос! Всем носам нос!

И Келвин-Джон стал повторять слова охранника своему носу, что там рабы, дети в рабстве, там маленькие мальчики в плену и их мучают и пытаются... мальчики и девочки. И слово «девочки» Келвина-Джона почему-то так поразило... Что в мире есть еще и девочки... Не только мальчики... И это так его удивило... Они умирают в рабстве. И даже нос Келвина-Джона все понял и успокоился и перестал отваливаться.

Потом расчувствовался нос и расплакался, представляя судьбу детей, маленьких мальчиков и девочек в рабстве и жалея их...

В итоге нос предсказал Келвину-Джону

дочь, он тоже был «ораклистым» носом... Что будет у Келвина-Джона дочь и сын. А дочь, не обделенная талантами. «Какой ужас!» – подумал Келвин-Джон. Что он будет с ней делать? Жизнь девочек-дочек оружейных баронов очень сложна... Но он будет отцом! Он, забирающий жизни, сможет жизнь и дать! У него будут дети!

Нос так расчувствовался, что даже еще сильнее стал сам плакать. Сидят охранник с Келвином-Джоном носу соплю вытирают... И слезы из носа катятся! Спать даже нос стал от своих слез... Стали нос успокаивать! Какой тонкий, отзывчивый нос оказался! Достали носовой платок. Вытерли носу слезы, и приклеился опять нос...

Какой нос! Всем носам нос!..

Когда умер генеральский сын, и разрешили носу пройти контроль, лежал нос тихо и больше не доставлял Келвину-Джону никаких неудобств. И «ружейный барон» спокойно прошел контроль.

И хотел налить работник паспортного контроля на нос умертвляющей жидкости, когда прошел Келвин-Джон паспортный контроль, чтобы затих нос... Но Келвин-Джон сказал: — Пусть живет. Со мной в Америку полетит! — Сказал, что сам умертвит нос, когда нос его замучает и будет вызывать полицию.... Хороший контрабандист Келвин-Джон. Породистый! Знает правила! А нос ему достался строптивый! Говорит Келвин-Джон, что будет хранить нос в коробочке и вспоминать приключения в России...

И гулял с этим носом Келвин-Джон по своему району в Америке. И хранил, сколько мог, пока нос не стал всем рассказывать планы его дальнейших контрабандных операций ружей. Потом нос переучили. И нашел нос свою «цепь» носов и стал рассказывать Келвину-Джону, чем занимается русская полиция. И наш полицейский поехал в Америку забирать наш нос у Келвина-Джона... Умный Келвин-Джон, знает, как такие носы переучивать! Кто ж русские носы хранит так долго?

Инга Полякова

Участник Форума молодых писателей – 2016 г. в г. Звенигород, участник Краснодарского краевого литературного семинара начинающих литераторов Кубани секции «Проза» – 2016 г. Лауреат и призер региональных, всероссийских и международных литературных конкурсов: шорт-лист международного литературного конкурса «OCA Literary Contest 2015» (Великобритания), лауреат Литературной премии Справедливой России «Во имя правды и справедливости» (Россия) 2015 год; лонг-лист конкурса VIII Международного Славянского литературного форума «Золотой Витязь» – 2017 г; диплом II место в номинации «Малая проза» категория «Открытие до 35» фестиваль «Поэзия русского слова – 2017» г.Анапа. Член Союза писателей России с 2021 года (номер членского билета 1427), член международной академии русской словесности с 2021 года.

Татьяна Жихарева

Сахарная история

— Сёма, глянь, торгашка купила новый холодильник! — возмутилась Ангелина Ивановна. — Семён! Ты что — оглох?! Иди посмотри! Камера морозильная какая большая!

Семён Петрович Овечкин отложил газету и нехотя поплёлся на кухню, где супруга, глядя в окно, продолжала возмущаться:

— Конечно! Наворовала в магазине столько, что в старый холодильник не помещается! Новый купила!

Семён посмотрел в окно:

— Да... Холодильничек ничего. Тыщ на пятьдесят, наверное.

— Какие пятьдесят тысяч?! Все шестьдесят! — Ангелина Ивановна завелась ещё больше: — Того обвесит, тому сдачу недодаст... Вот тебе и новый холодильник. А ты ишачишь-ишачишь на работе — и что? Холодильнику нашему уже скоро десять лет!

— Линочка, да ему всего лет шесть. И он у нас тоже с хорошей камерой, и морозит хорошо... — попытался оправдаться Семён Петрович.

— И что?! — не унималась супруга. — Но мы же не можем себе сейчас позволить купить новый холодильник?!

— Ну да, не можем, — почесал затылок Овечкин.

Если бы соседка Елена Мельникова купила этот холодильник полгода назад, то такой реакции, скорее всего, и не было бы. Но она имела неосторожность сделать замечание Ангелине Овечкиной, что, мол, уже как месяц она не соизволит убрать в подъезде согласно графику дежурства жильцов. Ангелина Ивановна оскорбилась, высказала всё, что она думает о торгашке и не убирала ещё месяц. За это время Овечкина своему мужу столько нарасказывала о Елене, что Семён и сам перестал с ней здороваться и начал подсознательно недолюбливать.

— Нет, эту торгашку надо проучить. А то жирует за деньги покупателей! — заключила Ангелина Ивановна.

До закрытия магазина оставалось полчаса. Посетителей уже не было. Елена Мельникова представляла, как она придёт домой, быстренько поужинает и наконец-то приляжет. Впереди выходные. Ах да, ещё же пересменка... Пересменка в магазине, позвольте уточнить, — это пересчёт и перевес всего товара продавцу, который застывает на смену.

Еленины мысли прервал запоздалый покупатель. Это был сосед — Семён Овечкин. Он прошёлся по магазину, посмотрел на товар.

— Дайте мне один батон и полкилограмма гречки.

— У нас нет гречки на развес, поэтому могу предложить только килограмм в упаковке, — ответила Елена.

— Нет, не надо. Взвесьте мне килограмм яблок.

Елена набрала в пакет яблок. К счастью, получилось ровно один килограмм.

— Я что-то не вижу сахара на витрине, — заметил Овечкин.

— Да, сахар закончился. Но есть рафинированный.

— Мне нужен сахар-песок.

— Приходите завтра. Утром сахар будет.

— Что значит — утром? Значит, сахар есть?!

— Сахара нет, — замялась Елена и подумала, что сказала лишнее.

— А не сахар ли в мешке, который стоит на полу? — ехидно заулыбался Семён Петрович.

— Нет... — Елена отошла назад, как бы пытаясь прикрыть своей тоненькой фигурой мешок.

— Значит, всё-таки сахар! — радостно воскликнул Овечкин.

– Семён Петрович, я не буду распаковывать мешок. До закрытия магазина осталось всего лишь двадцать минут, а мне потом надо будет расфасовать все пятьдесят килограмм.

– Ну, голубушка, – улыбнулся Овечкин, – скажем, не пятьдесят, а сорок девять и пятьсот грамм. Взвесьте мне полкилограмма.

– Во-первых, мы расфасовываем по одному килограмму, а во-вторых, я не буду распечатывать мешок.

– Ах вот как! Вы не исполняете своих должностных обязанностей!

– Семён Петрович, ведь напротив другой магазин, купите там.

– Да что Вы себе позволяете?! Вы ещё будете мне указывать, в какой магазин мне ходить за покупками?!

– Я просто...

– Да как Вы обращаетесь с покупателем?! – тут Овечкин достал телефон, включил камеру и направил на Елену: – Будьте любезны, взвесьте мне сахар.

Елена растерялась:

– Уберите камеру, пожалуйста.

– Нет, это я Вас прошу, взвесьте мне полкилограмма сахара!

– Хватит... Не надо... – продавец пыталась ладошкой закрыть камеру.

– Я ещё раз повторяю: взвесьте мне полкилограмма сахара!

– Где Вы видите у меня на прилавке сахар? У меня нет сахара.

– Как это нет? – продолжал вести репортаж Семён Петрович. – Вон стоит мешок сахара.

– Я не буду его открывать. Он по другой цене.

– Как это по другой цене? Мне по любой цене! Взвесьте мне полкило сахара! Сейчас! Мне чай надо пить! Мне нужен сахар!

– Я не буду этого делать! – Елена перестала увёртываться от камеры.

– То есть Вы отказываетесь? Объясните тогда: на основании чего Вы отказываетесь обслужить покупателя?

– На основании того, что в конце смены я не буду перевешивать пятьдесят килограмм сахара.

– Вы слышали? Вы это видели? Продавец от-

казывается отпустить товар, который есть в наличии! – и Овечкин выключил камеру. – Всё, это видео я выложу в соцсети! – он схватил батон, яблоки и побежал к выходу.

– Стойте! А расплатиться?!

Семён Петрович вернулся, швырнул всё на прилавок:

– Ничего мне не надо из Вашего магазина!

Когда дверь за Овечиным закрылась, обесилевшая Елена села на злосчастный мешок и заплакала.

– Линусик! – запыхавшийся Семён Петрович спешно снимал ботинки. – Я тебе сейчас ТАКОЕ покажу!

Овечкин вбежал в комнату, достал телефон и включил видео.

Ангелина Ивановна с горящими глазами смотрела ролик.

– Ну, Сёма, ты просто молодец! Журналист! А ну-ка ещё раз включи.

– Смотри! – и довольный супруг опять поставил на просмотр свой репортаж.

– Сёмочка! Это нужно срочно загрузить в группу нашего города! Подпишем видео так: «Смотреть всем! Вот, пришёл сегодня в магазин «У Клим» купить сахару. Меня без оснований отказались обслуживать. Не ходите в этот магазин! Там не ценят покупателей!» Представляешь, Сёма, как ей влетит от директора! Даже уволить могут.

– А может не надо, Линочка? Попугали – и хватит...

– Надо, Сёмочка, ещё как надо! Её после такой славы ни в один магазин не возьмут. Пусть в дворники идёт метлой махать.

Клим Артурович уже видел красочный сон, как вдруг зазвонил телефон.

– Алло! Что-то случилось, Катя? – сонным, но встревоженным голосом спросил Клим продавщицу, которая работала в его магазине.

– Клим Артурович, простите, что так поздно Вам звоню. Я подумала, что это важно и Вам надо знать...

– Катя, не томи! Говори без обиняков!

– В интернете, в соцсетях, кто-то выставил ролик. Там показывают Ваш магазин и Елену. Я ссылку сейчас сброшу. Сами посмотрите. Ещё раз простите. Доброй ночи...

Видео уже всю обсуждалось. Клим Артурович просмотрел ролик, затем начал читать комментарии.

Ваня Солнечный: «У Клим ничего нельзя купить. Мой товарищ чуть не сдох в лесу, когда съел консервы, купленные в этом магазине!»

Рыбак: «Ваня Солнечный, а Вы уверены, что причина в консервах? Может, он в лесу волчьих ягод попробовал?»

Ваня Солнечный: «Уверен! У него с собой только консервы и были!»

Витёк: «И литр палёной водки! Ха-ха-ха!»

Анжелика Добродушная: «ДОЛОЙ ПРОДАВЦА!»

Анжелика Добродушная: «Не ходите в этот магазин! Пусть туда ходят те, кто покупают сахар мешками!»

Ваня Солнечный: «Анжелика Добродушная, правильно! Поддерживаю!»

У Клим Артуровича сон пропал окончательно. Он дрожащими пальцами набрал номер Елены:

– Елена Витальевна! Вам что, тяжело было продать тому придурку полкило сахара?! Сейчас в интернете такая антиреклама моему магазину! Завтра же пишите заявление по собственному желанию!

Затем он пошёл на кухню, выпил стопочку коньяка, закурил.

– Чёт знает, что!

Опять открыл ссылку, чтобы почитать комментарии.

Кристина: «Автору мешает сам магазин? Очевидно, что конец рабочего дня. При сдаче смены продавцы перевешивают весь распакованный весовой товар. Взял бы рафинад к чаю или конфеты, репортёр...»

Маша Кукла: «Кристина, а если ему именно сахар-песок нужен? Вы в тесто тоже рафинад добавляете или толчёте его сами, если надо?»

Кристина: «Ваш «пекарь» сам сказал, что к чаю».

Маша Кукла: «И что?»

Кристина: «И ничего».

Викуська: «Право на съёмки получил? Сам может быть наказан!»

Админ: «Магазин — это общественное место, разрешение на съёмку не требуется».

Викуська: «Пусть бы и снимал магазин, а не человека. Туалет, кстати, тоже общественное место, но я сомневаюсь, что там кто-то рад был бы позировать на камеру».

Маша Кукла: «Викуська, видимо, тоже продавцом работает и законов не знает».

Викуська: «Я не работаю продавцом. Просто покупатель хам. Работнику магазина (женщине) пришлось бы перевешивать 50 кг сахара».

Светик: «Я тоже считаю, что покупатель нахамил!»

Рыбак: «Хомяк, поэтому и нахамил»

Семён Орлов: «Да не хамил я. Просто попросил сахарку к чаю...»

Витёк: «Народ! Давайте скинемся по чайной ложке сахара горе-орлу!»

Кристина: «Ещё сахарный диабет заработает...»

Викуська: «Всем, у кого есть сахар, спокойной ночи. Поздно. Завтра почитаю эту «сахарную историю»

Алла Сом: «Магазин «У Клим» хороший. И продавца Лену я знаю. Очень вежливая. Никогда не обвешивает и не обсчитывает. Мне кажется, я догадываюсь, кто автор ролика. Но он вовсе не «орёл»

Клим Артурович, читая комментарии, уже пожалел, что погорячился и сказал Елене об увольнении.

В это время Елена Мельникова ворочалась в кровати, тщетно пытаясь уснуть. Хотя она приняла успокаивающие капли, но, на самом деле, успокоиться не могла. Она уже смирилась с тем, что ей придётся уволиться, даже Семён Овечкин, на которого она была и обижена, и рассержена, стал пустым местом. Елене не давала

покая мысль о кредите, который она оформила при покупке холодильника. Вот чем ей платить в следующем месяце, если не устроится на работу? В добавок коммунальные услуги, продукты... А ещё где-то далеко забрезжил образ новых красных туфелек и тут же погас...

Елена потянулась рукой к смартфону: «Всё равно не усну, посмотрю, что там «корёл» Овечкин ещё написал. Дал же Бог такого соседа...»

Света Котик: «Семён Орлов, Вы повели себя недостойно и неподобающе мужчине! Вы должны извиниться перед продавцом! Я за справедливость!»

Семён Орлов: «Да я же только сахарку попросил. А она мне отказала...»

Витёк: «Да... Некоторым проще дать, чем обьяснить...»

Света Котик: «Я бы такому всё равно не дала»

ЛисА: «Света Котик, зато моему парню дала и увела! Правдоискательница!»

Света Котик: «ЛисА, опаньки! Я тебя везде уже заблокировала, так ты меня в комментариях нашла! Тебе надо не анализы принимать в лаборатории, а в ЦРУ работать. Кстати, у Семёна Орлова прими мочу без очереди. На сахар проверь».

Рыбак: «Э, каких оборотов набирает сахарная история»

ЛисА: «Ты поступила подло и даже сейчас пытаешься меня уколоть!»

Света Котик: «Отнюдь, я своего мужа ни от кого не уводила. А тебя, Лариска или, как ты себя величаешь, ЛисА, он бросил, потому что не любил, а просто пользовался твоей «безотказностью»;»

Витёк: «ЛисА, Вам слово. Нам очень интересно. Прям, передача «Большая стирка» Андрея Малахова».

Рыбак: «Пусть говорят!»

ЛисА: «Нет, он меня любил и любит до сих пор! И доказывает это, пока ты в командировках! Просто тебе боится сказать!»

Света Котик: «Шалавой была – шалавой и осталась!»

Игорь Кот посмотрел по телевизору бокс и теперь спокойно курил на балконе, стряхивая пепел и любуясь оконными и фонарными огнями города. Он услышал шаги супруги, но не оглядывался, надеясь, что та уже насиделась в соцсетях и сейчас нежно взъерошит ему волосы, намекнув, что пора в постель.

Вдруг Игорь ощутил резкий удар по затылку – сигарета выпала изо рта и полетела вниз, мигая красной искоркой.

– Кобель! Скотина! Ненавижу! – визжала Светлана и барабанила супруга кулаками по спине.

Игорь развернулся и схватил в охапку взбешенную жену:

– У тебя что – крыша съехала? Что на тебя нашло?

– Ты до сих пор таскаешься с этой шлюхой Лариской! А я тебе верила...

– Да с чего ты взяла? Я её сто лет не видел! Зачем она мне нужна? Кто тебе такую ересь сказал?

– Она сама написала в группе нашего города! Теперь в меня будут все пальцами тыкать! – и Светлана заревела, как маленькая девочка.

Игорь растерялся, затем схватил жену за руку и потащил в комнату:

– Все вы бабы ненормальные! Лучше бы на кухне делом занялись! Пирожки жарили. А нука показывай, что у вас там за переписка.

Игорь сел за компьютер, а всхлипывающая Светлана склонилась и смотрела на монитор из-за плеча мужа.

Комментариев прибавилось.

Витёк: «Жаль, что мы ещё не умеем телепортироваться: сейчас такой бы бабский реслинг посмотрели!»

Людмила Осипова: «ЛисА, ну ты и сучка! Интересно, а мой брат в курсе твоей «любви»?»

ЛисА: «Людочка, я пошутила. Просто Светку хотела подразнить. Ты же знаешь, что я люблю только Артёма! Мне никто другой не нужен!»

Людмила Осипова: «Я Артёма предупреждала, что ты уж очень похожа на «любвеобильную», но он, наивный, меня не слушал... Сейчас

ему ссылочку скину».

Рыбак: «Ничего себе Семён Орлов сахарку попросил...»

Семён Орлов: «А я что? Не я эту тему поднял. Девки сами начудили!».

Игорь Кот обернулся к жене:

– Вот видишь, а ты мне не верила. Давай я сейчас напишу в комментариях, что это всё неправда.

– Нет уж, дорогой, ничего писать не надо. Пусть теперь Лариска сама и выкручивается, – ехидно заулыбалась Светлана.

Артём Осипов: «ЛисА, я ведь уже кольцо купил, хотел тебе предложение сделать, а ты...»

ЛисА: «Тёмочка, я тебе сейчас всё объясню по телефону».

Артём Осипов: «Не надо мне ничего объяснять. Уже объяснилась на весь город! Прощай!».

ЛисА: «Семён Орлов, чтоб ты подавился своим сахаром, козёл!»

Семён Петрович пришёл на работу, опоздав минут на пятнадцать. Мешки под глазами свидетельствовали о бессонной ночи, которую он провёл за чтением комментариев к своей публикации. Овечкин включил чайник, достал чашку, кофе. А вот сахара, как на зло, не оказалось. Он направился в кабинет к сотрудникам.

– Доброе утро, девочки! – поздоровался Овечкин, приоткрыв дверь соседнего кабинета. – Хотел у вас сахарку попросить, а то у меня закончился.

Одна из сотрудниц достала сахарницу из шкафчика:

– Ой, у нас тоже закончился... Хотя нет, должен быть рафинад.

Семёна Петровича почему-то кинуло в жар.

– Не утруждайтесь, я так выпью, без сахара, – и Овечкин быстро закрыл дверь. В голове пронеслось: «Совпадение или издеваются?»

Настроение у Семёна Овечкина испортилось окончательно.

У Елены Мельниковой был выходной. Она возвращалась с магазина «Мир обуви» счастливой. На премию, выданную Климом Артуровичем как возмещение «морального ущерба», Елена купила туфли своей мечты.

У подъезда сидели старушки.

– Здравствуйте, – улыбнулась им Мельниченко.

– Здравствуй, Леночка! Ты не волнуйся: мы тебя в обиду не дадим. Климу так и сказали: «Уволишь Елену – и коробки спичек у тебя не купим! Будем в другой магазин ходить».

– Спасибо. Мне, право, даже неловко... – засмущалась Елена. – Не надо было...

– Как это не надо? Ни за что, ни про что человека опорочили! Ладно Катюку бы. Она то сдачу неправильно даст, то конфеты смешает свежие и такие, что зубы сломаешь...

– А вы что, тоже видео в интернете видели? – удивилась Елена.

– Спасибо внукам, кое-что понимаем в этих гадах.

– Гаджетах?

– Ну да, я почти так и сказала...

Елена зашла в подъезд. Когда она поднималась по ступенькам, почувствовала хруст под своими новыми красными туфлями. Это был сахар.

Елена подсознательно направилась к графику дежурств. В этот день выпала очередь убирать в подъезде Ангелине Овечкиной.

Татьяна Жихарева

Поэт, прозаик, переводчик. Заслуженный деятель искусств Республики Крым. Член Союза писателей Крыма, Академии российской литературы, Российского союза профессиональных литераторов; секретарь Крымского Республиканского отделения Союза российских писателей. Вышли в свет сборник стихов «Плющ і сіна», сборник стихов, переводов и рассказов «Реплики чёрной кошки» и книга рассказов «Счастье без рецепта».

Владимир Зюськин

Башня из слоновой кости

Помнится, на уроках литературоведения нам, студентам, преподаватель не раз приводила высказывание французского писателя Гюстава Флобера: «...Надобно отдаться своему призванию — взойти на свою башню из слоновой кости и там, подобно баядере среди благовоний, погрузиться в одинокие свои грёзы»; «Пусть Империя шагает вперед, а мы закроем дверь, поднимемся на самый верх нашей башни из слоновой кости, на самую последнюю ступеньку, поближе к небу. Там порой холодно, не правда ли? Но не беда! Зато звёзды светят ярче, и не слышишь дураков»; «Я всегда пытался жить в башне из слоновой кости, но окружающее её море дерьма поднимается всё выше, волны бьют об её стены с такой силой, что она вот-вот рухнет».

Виртуальная башня из слоновой кости рухнула в России, когда она стала советской. Никто из советских по духу литераторов не жалел об этом, напротив, – приветствовали. Искусство для искусства, к которому призывал великий писатель (ишь чего надумал: жить в отрыве от народа, бормоча себе под нос изящные фразы!) должно стать искусством для народа – вести его к сияющим вершинам коммунизма. Об этом прямо или косвенно кричали большинство литераторов и особенно Маяковский: «Я, ассенизатор и водовоз, революцией мобилизованный и призванный, ушел на фронт из барских садоводств поэзии – бабы капризной». Элементарная брезгливость вроде бы должна вызывать неприятие воды, которую привозит ассенизатор. Но это никого не смущало. Как-то не замечалась двусмысленность образов Маяковского. То же «облако в штанах» (название поэмы, которой восхищены все поголовно) можно понять как проявление у человека метеоризма.

Подавляющему большинству советских стихотворцев до сосания под ложечкой хотелось стать «ассенизаторами и водовозами», а не сидеть в башне из слоновой кости.

Как можно оставаться в стороне от нужд народа, его бед и завоеваний, рассуждает большинство литераторов, не говоря уже о политиках и простых людях.

Оправдывая журналистику советских лет, некогда мой однокурсник, журналист, доцент кафедры периодической печати Уральского государственного университета И. Малахеев в своей статье «Слово свое не считая товаром...» в частности пишет:

«Если перед страной стоят цели, достижение которых ведет ее к экономическому и оборонному могуществу, а народ к духовному, культурному, социальному прогрессу, росту благосостояния, неужели журналисты могли стоять в стороне или даже сопротивляться историческому потоку? Место журналистики, советской журналистики было в авангарде общества».

Так думали и советские по духу писатели. Ключевое слово в приведенной фразе Малахеева: «если». Сейчас любому здравомыслящему человеку видно, куда шло общество и куда зашло. Истинно верующие люди с самого начала видели, что путь этот тупиковый. Какой «исторический поток»? Это был поток сатанинский. И если бы литераторы тех лет вместо нападков вслед за Лениным на «продажную капиталистическую прессу» говорили об искусственно созданном на народной крови и слезах строе, он почил бы раньше и не был бы сегодня уровень жизни россиян столь низким.

Понятно, что наше с Малахеевым поколение, представителям которого сегодня за семьдесят – поколение неверующих. И мы, лишенные, благодаря этому, возможности понять истинное значение большевистского переворота, искренне верили призывам и лозунгам сверху. Способствовали в меру сил приближению, как нам казалось, светлого будущего.

Только во времена гласности я начал задумываться над тем, почему нам, «честным журналистам»,

дают пропуска в обкомовскую столовую, а «продажные западные журналисты» порой сидят за свои статьи в тюрьмах. Ясность пришла вместе с гласностью и с верой в Бога. Горько признаваться в этом, но, как говорится, лучше поздно, чем никогда.

* * *

Одним из результатов Октябрьского 1917 года переворота было то, что Флобер посрамлен и наглухо заперт в своей башне. Оно и понятно. Вместо идеи Бога народу была навязана идея коммунизма, которая должна привести к раю на земле. Идею эту воплощала партия КПСС, во главе с лидерами, которых мы, как туземцы, называли вождями. Все, что исходило от них, было свято. Партия сказала: надо, литераторы ответили: есть, – не задумавшись о том, что безгрешен только Бог. И если человек или целая группировка не ориентируются на него, ошибутся неизбежно. Какими бы не были добрыми помыслы, рано или поздно дела обернутся злом. Сейчас только слепому не видно, что советский технический прогресс был замешан на крови и слезах. Так можно ли это называть прогрессом?

Здесь немалая вина и советских литераторов, которые в своих произведениях приветствовали и пропагандировали каждое начинание Партии и правительства. Ангажированность советского искусства слова замаскировал Михаил Шолохов, заявив: «Мы пишем по указке сердца, а сердца наши принадлежат партии и народу». Читая эту цитату, я вспоминаю анекдот: «Откуда у тебя сыняк под глазом? Да это один подлец хотел меня пнуть под зад, а я увернулся». Вот так увернулся и автор «Тихого Дона».

Крещеный Шолохов не мог не знать, что сердце по большому счету может принадлежать лишь Богу. Советское правительство не только нарушало все Его заповеди, но и приветствовало эти нарушения. Террор, доносы, отказ от репрессированных родителей, лжесвидетельства и прочее – яркие свидетельства сатанинской сущности почившего строя. И никакие оправдания не снимут вину с тех, кто насаждал и пропагандировал новый порядок.

Сталинская идеологическая машина зомбировавала население с такой мощью, что мало кто даже среди «инженеров душ» мог увидеть истинное положение вещей – античеловеческую сущность режима.

В этом смысле нравственный подвиг Солженицына не имеет себе равных. Человек, который искренне верил в прогрессивность марксистско-ленинских идей, был по началу патриотом Советской России – вдруг начал размышлять и, сопоставив творящееся с учением Бога, сумел прорваться сквозь ряды колючей проволоки Великого обмана.

Он не только прозрел сам. Образно говоря, оставляя на колючках куски мяса, Александр Исаевич в условиях лагерей, когда нельзя было записывать «крамолу», создал «Архипелаг ГУЛАГ». До освобождения держал все в памяти, а потом сумел записать и издать за рубежом. Можно сказать, что Солженицын вонзил осиновый кол в «призрака коммунизма». Любой здравомыслящий, совестливый человек, прочитав эту вещь, ужаснется тому, что сделали с народами России большевики.

Но таких, независимо мыслящих, как Солженицын, Гроссман, можно по пальцам сосчитать. Большинство же советских писателей были безбожниками и искренне верили, что живут в самой передовой, самой гуманной стране. Писали об этом взахлеб, считая себя патриотами. Великий обман на то и великий, что не всем дано его разгадать. 90 процентов советских литераторов могут сказать: «Я писал о том, во что искренне верил». Как тут не вспомнить фразу из фильма «Девять дней одного года»: «При всей своей искренности котенок может сказать только «мяу».

Верноподданым писателям, которых было большинство, жилось неплохо и без башни из слоновой кости. В большинстве своем издавались псевдохудожественные агитки. И чем лживее, словословнее было произведение, тем выше оно вознаграждалось. Достаточно вспомнить стихи Павло Тычины, Турсун-заде и других прихлебав власти.

Агитки, в том или ином виде, издавали все писатели СССР. И больше всех здесь преуспел Маяковский. Из его 13 томов, если наберется один том нормальных, художественных стихов – слава Богу. Остальное – утилитарщина, написанная человеком, контуженым революцией. После Блока, у которого был флер, тайна, это – деградация. Вот уж действительно поэт «наступил на горло собственной песне» да еще и гордился этим. И, если бы не сталинская оценка: «Маяковский был и остается лучшим, талантливейшим поэтом нашей советской эпохи. Безразличие к его памяти и его произведениям – преступление» – не было бы ни площадей, ни улиц Маяковского. Легче сказать, какой объект не назван именем пролетарского поэта, чем все их перечислить.

Поэзия Маяковского весьма удачно выражала большевистский экстремизм: «Я хочу, чтоб к штыку приравняли перо». А ведь эта фраза и другие строки пролетарского поэта-трибуна просто ужасны по своей античеловеческой направленности. Стоит только вслушаться: «Сегодня надо кастетом кроиться мира в черепе». За такие призывы к насилию надо бы судить и давать срок, а Маяковского прославляли. Это ли не перевернутый с ног на голову мир?

Отдавая должное таланту Маяковского, не могу закрывать глаза на некоторые его высказывания. Взять хотя бы сделанное им определение поэзии; «Поэзия – езда в неизвестное». Ляпнул, не подумав, и все начали повторять за ним, за авторитетом, закатывая глаза от восхищения. Езда в неизвестное – и наука, и любая другая сфера, и вся жизнь человека. В чем же особенность поэзии? Думаю, ее можно определить так. Ритмическая, эмоциональная, концентрированная речь. Ее высокое предназначение – быть инструментом познания души человеческой, Бога и сотворенного им мира. Поэзия позволяет эффективнее любых философских трактатов ответить на вечные вопросы бытия: кто я, что я, зачем, как мне жить, что есть любовь, жизнь, смерть.

Вся остальная поэзия – прикладная. Она, безусловно, имеет право на существование, ибо человек – существо двуединое: ногами стоит на земле, а голова – в небе.

Пожалуй, лучшее прозаическое произведение из советских по духу – «Поднятая целина» М.Шолохова. В нем получил художественное обоснование проект Сталина, который повелел 25 тысячам рабочих ехать на село, чтобы учить крестьян, как работать на земле, как выращивать животных. Вдумайтесь в идиотизм этого замысла. Людей, у которых в генах сельскохозяйственный опыт, передававшийся из поколения в поколение, организовывать на ударный сельскохозяйственный труд едет человек, имевший дело с металлом, машинным маслом, эмульсией. Только недюжинный талант Шолохова позволил ему, оттолкнувшись от мертвой идеи, создать живые, трепетные картины. Однако ложь от этого правдой не стала.

Да, писать нужно по указке сердца, но сердце должно принадлежать Богу, а не какой-то группировке, пусть даже она кажется идеальной, как это считали советские литераторы, которые в подавляющем большинстве были членами КПСС. Нельзя, находясь внизу, посмотреть на происходящее сверху, чтобы увидеть объективную картину. А взгляд сверху – значит, из башни. Это удавалось немногим да и те были расстреляны или замучены в ГУЛАГе. Один из ярких примеров – Артем Веселый. Его произведение о Гражданской войне «Россия кровью умытая» содержит картины, которые посильнее аналогичных шолоховских. Автор этого произведения смотрел на события, происходящие в России сверху, можно сказать с башни, и описывал то, что видел. Такая правда власти была не нужна, как и ее выразитель.

По сути дела, жить в башне из слоновой кости, будучи литератором, – это значит быть независимым от любых идей, кроме идеи Бога. Всякий человек, а тем паче писатель, чтобы не ошибаться, должен верить каждый свой шаг учением Господа, его заповедями. Можно отрицать существование Бога, но нельзя отрицать существование его заповедей. Ими необходимо верить любое дело, высказывание. Заповеди можно сравнить с дозиметром, который показывает: опасно в данной зоне или нет. Это дает возможность жить правильно и неверующему человеку.

Грех, как и радиация, разрушает не сразу. Поэтому может быть неосознан. Но под рукой всегда должен быть «дозиметр». У Маяковского и иже с ним людей, лишенных веры, такого «прибора» не

было и потому, выступая якобы за народ, они вели его к бедам. Не зря сказано: благими помыслами дорога в ад вымощена. Взять хотя бы борьбу с мещанством, широко и интенсивно проводившуюся в советское время. Но сначала нужно разобраться, откуда взялся этот термин и что он выражал.

Мещанство – низшее городское сословие, мелкие торговцы, ремесленники, поденщики и прочие. Кстати, из мещан вышел и вождь октябрьской революции Владимир Ульянов. Термин этот обрел негативный смысл во времена Советов. Мещанами начали называть людей оторванных от политики, живущих своим мирком, бытом.

Все социальные преобразования, тем паче, такие как революция, пустившая из народа фонтан крови, имеют смысл, когда гражданин страны становится свободнее в реализации своих потребностей, вкусов. Обнищавшей стране – советской России – неспособной создать своим гражданам достойную жизнь, ничего не оставалось как обвинять в мещанстве людей, которые стремятся жить спокойной, обеспеченной жизнью. Вот и напал на них Маяковский, видя в герани и канарейках (призывал свернуть им головы) угрозу мировой революции, которая якобы освободит человечество от эксплуатации. Виноватыми оказались птички и цветок.

А кто же был антимещанином, героем в советском понимании? Тот, кто не обращал внимания на карточную систему, на отсутствие товаров в магазинах, благодаря дурацкой экономике, породившей всеобщий дефицит самых необходимых вещей, на тотальные репрессии и прочее, характерное для советской политики. Гражданин СССР должен был в мыслях и делах приближать мировую революцию, которая освободит человечество от эксплуатации.

Дальнейшее развитие российских и мировых событий показало, что так мыслить мог только психически нездоровый человек. Ибо большевики, уничтожив дворян как класс (просвещенную часть нации, имевшую понятие о чести и совести) можно сказать, срубили у народа голову. А потом, репрессировав и уничтожив работоспособную часть крестьян, отрубили у народа руки. И этот обрубок должен был радостно строить совершенное общество!

Впрочем, как Маяковский, думали многие и не только в России. Помешательство было всеобщим. Излечиться от него многие не могут и сегодня, жалея о почившем строе.

* * *

Обосновывая политическую заданность искусства, советские идеологи ссылались на Некрасова: «Поэтом можешь ты не быть, а гражданином быть обязан!», на Пушкина («Вольность» и другие политические стихи, где поэт выступает борцом). Однако замалчивалось стихотворение Пушкина «Поэт и толпа», где он говорит:

Не для житейского волненья,
Не для корысти, не для битв,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуков сладких и молитв.

Литературоведы умилялись дружбе Пушкина с декабристами, не желая понимать, что в то время Россия не созрела для воплощения идей декабристов и их победа неумолимо привела бы страну к экономическому коллапсу. Это то же, что принуждать родить женщину на третьем-пятом месяце беременности. Получишь выкидыш. К тому же, декабристы, в случае победы, хотели, чтобы покончить с династией, уничтожить всю семью царя, как это сделали позднее большевики.

Слава Богу, что Пушкин не участвовал в декабрьском восстании. Иначе человечество лишилось бы гениальных произведений, которые он написал после неудачной попытки переворота.

Все злоключения человечества в том, что оно пытается идти путями, предлагаемыми его выдающимися представителями: Наполеоном, Марксом, Лениным, Гитлером и прочими. Но самый гениальный человек – только лишь человек. И если он целиком доверяется собственному уму, непременно ошибется, приведет себя и народ к бедам. Не случайно существует поговорка: без Бога – не до порога.

В результате духовный исканий я пришел к выводу: Господь дал человеку ум, чтобы он понял, принял мысль, заложенную в данной поговорке, и отключал ум, когда он противоречит Божьему разуму, заложенному в Заповедях.

Беда Маяковского в самости, выразившейся в ненависти к Богу. Но поэт и сам не заметил, что, освобождаясь от Создателя мира, попал в зависимость к установившейся власти и прославлял ее создателя, не видя античеловеческой сущности нового режима, породившего кровь и слезы. Отход от Всевышнего неизбежно оборачивается приходом к сатане.

* * *

Революция низвергла не только царя, но и Господа. Во всяком случае, пыталась это сделать, заставляя отказаться от Него. Это не могло не сказаться на всех сферах общественной жизни, в том числе и литературе. Поэты, как с цепи сорвались, – пошли в наступление на Бога. А впереди – все тот же Маяковский:

Я думал — ты всесильный божище,
а ты недоучка, крохотный божик.
Видишь, я нагибаюсь,
из-за голенища
достаю сапожный ножик.
Крыластые прохвосты!
Жмитесь в раю!
Ерошьте перышки в испуганной тряске!
Я тебя, пропахшего ладаном, раскрою
отсюда до Аляски!

Так и хочется воскликнуть словами Крылова: «Ай, Моська, знать она сильна!». Но различие Моськи и слона не так уж значительны. И та и другой – животные. А Бог и человек... Читая эти строки испытываешь даже не негодование, а жалость к талантливому поэту зомбированному до степени душевно больного.

* * *

Надо сказать, что вера в Бога сильно пошатнулась задолго до революции. В этом виновны учения Чарльза Дарвина и Карла Маркса. Большевики, взявшие власть в России, довели тенденцию до конца, создав атеистическое государство, которое перевернуло общество с ног на голову, поменяв большинство ценностей на антиценности. И, конечно же, быть гражданином такого государства – способствовать закабалению народа.

Патриотизм превратился в свою противоположность. И случилось это только потому, что со шкалы ценностей убрали высшую ценность – Бога.

С Россией – понятно. А вот в Германии вроде бы не отказывались от Бога. Но что такое фашизм? Это патриотизм, доведенный до абсурда. В Библии сказано: «Не следуй за большинством на зло, и

не отступай от истины по большинству (Исх.23:1-2). А на Нюрнбергском суде некоторые фашисты говорили: я понимал ущербность политики Гитлера, но за ним пошла страна и я хотел остаться с ней, с народом. Неверность такой позиции сейчас уже видна хорошо. И я не вижу большой заслуги в своем стихотворении, написанном в 2011 году, однако приведу его, ибо и сегодня у большинства людей высшая ценность – не Бог, а родина:

Священна родина, но выше Бог.
 Коль мой народ, ведомый лжепророком,
 Опять свернет с пути куда-то в бок,
 Я не пойду за ним. Останусь с Богом.
 И пусть меня предателем сочтут,
 За то, что я Всевышнего не предал.
 Прости, страна, что за тобою следом
 Не устремлюсь. Рассудит Божий суд.

Любовь к родине не должна превышать любви к Богу. Однако Есенин, считавший себя верующим, в 19 лет написал такие строки:

Если крикнет рать святая:
 «Кинь ты Русь. Живи в раю!»
 Я скажу: «Не надо рая.
 Дайте Родину мою!»

Юный поэт издал петушиный крик, вызванный желанием соригинальничать и непониманием учения Бога, который создал рай как награду очистившимся от грехов людям. А предпочесть какое-то место на земле, пусть даже родину, раю – значит, предпочесть жить в скверне, смириться со злом, которое, кстати сказать, привело и самого

Сергея Есенина к протivoестественной смерти.

Отказ от рая ради родины – отказ от Бога. Не случайно в советское время эти есенинские строки цитировались повсеместно.

Власть любой страны заинтересована в патриотизме народа, ибо отождествляет себя с Отечеством. Вот почему слово «родина» во времена Советов писалось с большой буквы.

И сегодня призыв работников искусства к активной жизненной позиции остается в силе. В заслугу Евгению Евтушенку ставятся его строки: «Поэт в России – больше, чем поэт». Когда я на встрече с ним прочел ему свое, четверостишие, написанное в годы Советской Власти: «Пытаясь перестроить белый свет, зовем на баррикады, хищно кружим. Поэт в России меньше чем поэт, поскольку он политикой контужен», – Евгений Александрович долго рассказывал мне о тех добрых делах, которые он совершил, будучи депутатом Государственной Думы. И заключил: «Какой же я контуженный!»

Но надо различать доброе дело просто человека и доброе дело поэта. Богу угодно, чтобы человек совершал добрые дела вне зависимости от того, кто он: ученый, рабочий, поэт и т.п. Но, если говорить конкретно, то доброе дело ученого – это научное открытие, рабочего – квалифицированный добросовестный труд, поэта – высокохудожественные стихи. Если же поэт больше чем поэт, значит, он действует в ущерб своему главному поприщу, ибо в то время, когда Евгений Александрович выполнял заказы избирателей, свое основное дело он в полной мере совершать не мог. Честь и слава ему за это как человеку, но никак не поэту.

И все же, основной смысл фразы: «больше, чем поэт», призыв быть борцом. Однако политическая борьба литературными средствами – это публицистика. А публицистика в поэзии, как известно, снижает ее художественный уровень. Вот почему я утверждаю, что в чудовищно политизированной советской стране, поэт был меньше, чем поэт.

Я бы не хотел быть понятым как противник активной жизненной позиции. Но активность должна быть богоугодной. Ведь активны и бесы. Деятельная работа литератора выражается в художественном отображении им действительности с позиций добра и зла, четкое понимание которых невозможно без оглядки на Бога. И если гражданская тема реализована с данных позиций и переплавлена в художественные образы – честь и слава таким стихам и их авторам.

Быть с Богом, смотреть на все происходящее его глазами – значит, образно говоря, находиться в башне из слоновой кости – видеть объективную картину происходящего, давать истинную оценку личностям, их высказываниям. Господь – высший авторитет, рядом с которым меркнут авторитеты всех выдающихся деятелей.

Как человек я ничтожен, но сильным меня делает вера, тот «дозиметр», о котором говорил выше. Именно поэтому не вовлечет меня в свою орбиту ни один гений. Я не попаду под его обаяние, влияние и всегда буду отличать добро от зла.

Литератору это необходимо как никому другому.

Владимир Зюськин

Журналист, поэт, прозаик, эссеист, критик, родился в г. Шадринске Курганской области. Окончил факультет журналистики Уральского государственного университета им. Горького. Работал корреспондентом, собкором в СМИ Урала, Сибири, Украины, Сахалина. Стихи, рассказы, статьи и другие произведения печатались в журналах: «Урал», «Уральский следопыт», «Веси», «Сибирские огни», «Дальний восток», «Российский колокол», «Новая литература», «Русское эхо», в коллективных сборниках.

Издан восемь индивидуальных сборников стихов, четыре из которых – тома в твердом переплете. Лауреат премии «Золотой Рифей», член Интернационального Союза писателей.

Сергей Дорохин

Любовь, коварство и не только...

1.

Словно дюжина кузнецов ухватила мозг раскалёнными клещами, и каждый упрямо тянет в свою сторону. По ногам будто каток проехал. Или целый танковый батальон. А во рту – точно кошки нагадили... С такими колоритными ощущениями Новиков встретил в постели новое апрельское утро. Дужкин ритмично посапывал на соседней койке, изогнувшись так, что голова лежала на прикроватной тумбочке, одеяло валялось на полу, а притянутые к груди колени обнимали невесту как попавшую туда подушку.

На круглом столе посреди комнаты чайник красовался в блюде с недоеденным салатом. Полбатона варёной колбасы «два-двадцать» в восходящих лучах выглядывало из банки с вареньем. По закопчённой сковородке в луже чая плавали хлебные корки в соседстве с картофельными пригарками, огуречными обрезками и окурками. Стулья вокруг стола улеглись так, словно вчера были пьянее своих хозяев. И на фоне этого чрезвычайно живописного натюрморта два пустых пузыря из-под «Пшеничной», сиротливо стоявшие в углу, были почти незаметными. Но проскочить мимо трезвых глаз вошедшего Алексева им не удалось.

– Чегой-то вчера отмечали? – будто не зная ответа, спросил прибывший, опускаясь на поднутый стул.

– О-ох, Лё-ох, – застонал Новиков. – Олечка приходила...

– Эт я в курсе.

– Два пузыря приносила...

– Опять в курсе!

– Ну, и потом ушла.

– И всё-то? – притворно разочаровался Алексеев.

– Поесть, там, приготовила, прибралась в хате, посидела с нами за столом. Сама-то не пила!..

Скользкий удар нарушил этот нестройный

диалог: Дужкин уронил голову на кроватную сетку, с которой давно сполз матрас.

– ...Потом, кажется, пыталась спать уложить...

– А ты и лёг?! – Алексеев перебил с издевательским нетерпением.

– А я – что? Сперва отбивался, потом – не помню, – Новиков поморщился.

– Эх ты! Погляди, какие глазки, какая фигурка! Ух, я бы за ней приударил! Язык бы ей только ампутировать... Что ж ты, Лёша, так? Дефка тебя хочет... – Алексеев нарочно выделил звук [ф].

– Да не спрашивает, хотя ли её, – сиплым басом вставил Дужкин. – Лёш, дай сигарету...

Пока они с Алексеевым курили, Новиков благополучно отыскал штаны, рубашку и даже носки. Сложнее получилось с кроссовками: левый схоронился под столом, правый – на книжной полке.

– Никак опять воевали? – скрывая смех, спросил Алексеев.

– О-ох, Лё-ох, – снова заныл Новиков. – Этот спортсмен вздумал ей приёмы показывать.

– То есть вечер был не только томным? А точнее?

– Пристала: научи, и всё тут, – пояснил Дужкин. – Ну, я был нетвёрд в движениях, потому и задел её малость пяткой.

– В нос?

– Не, в щёку. Она и пала мимо стула.

– О-ох, Лё-ох что потом начало-ось! Схватила она тот стул, и ну махать! Мы тут еле увёртывались! Дужкин, вон, бедный, половины зубов не досчитался. Потом всё бросила, и – в слёзы. Хотел пожалеть, а она как накинется, как стиснет! Думал, задушит. И опять своё: «Ты меня любишь?». А меня и спаси-то некому – этот уполз «белого друга» стращать. Потом, Лёх, ей-богу, не помню, что было. Может, заснул, а может, и натворил чего. Что ж делать-то теперь?

Ведь опять прижмёт она меня, и не отвертишься... – Новиков левой рукой потрогал раскалявшуюся голову, правой надеясь нащупать под койкой бутылочку живительного пивка. Но трудно отыскать в тёмном помещении известное млекопитающее при условии отсутствия последнего. Пришлось обойтись таблеткой анальгина. Кузнечные клещи зазвенели, рассыпаясь одни за другими.

– В общем, как и раньше, – подытожил Алексей. – Хорошо, я вчера у Любашки остался.

Дужкин тоже встал, начался очередной день студенческой жизни.

2.

Назвать её страшной мог разве что лишённый вкуса извращенец. Она похожа на свою тёзку Ольгу Кабо, и только шикарный греческий нос отличает её от известной актрисы. Этот нос в союзе с томными карими глазами и изящными эротичными губками многим не давал покоя. Но – недолго. Через неделю после знакомства с Олечкой парни жалели о том, что вообще оказались в этом вузе. Мало кто мог выдерживать её холерический темперамент и двойственную натуру Близнецов. Сия участь не обошла стороной ни Алексева, ни Дужкина, но в сравнении с Новиковым, чья вина состоит во внешнем сходстве с одним из гардемарин, остальные отделались до неприличия легко.

Впервые узрев его на абитуре, Олечка загорелась идеей-фикс, что этот парень предназначен ей свыше, что если воротить нос в условиях сложной демографической обстановки на фоне общего дефицита мужского пола, то можно помереть в девках, и направилась к цели с упорством, достойным куда как лучшего применения, ничего не видя вокруг.

Попытки очаровать его в течение первого семестра остались без успеха, поэтому позже она начала распускать такие сплетни об их совместных отношениях, что у Новикова дыбились волосы, а ни одна другая девчонка не решалась и взглянуть в его сторону. Однако он великодушно прощал её фантазии, а претензии по достоверности сплетен переадресовывал непосредственно к распространительнице оных.

Образ её жизни при этом был вовсе не затворническим, она регулярно заводила романы, но – исключительно показательные, ради ревности Новикова. Он же, узнавая о новом увлечении, ис-

кренне радовался, подсознательно молясь, чтоб оно оказалось последним, в смысле, серьёзным. И чем слезнее были молитвы, тем безжалостнее потом била по лбу реальность.

Со временем Олечка поумнела и сменила тактику. Найдя слабое место Новикова, коим было чревугодие, эта замечательная девушка уже стреляла без промаха. Имея отдельную квартиру в трёх остановках от университета, она стала завсегдаем общежития. Без неё не обходился ни один праздник в жизни Новикова, Дужкина или Алексева, и все высоко ценили её кулинарные способности. Но просто так ничто никогда не делается...

– Скажи, Лёша, это всё правда, что ты говорил мне вчера? – зашептала она, глядя в потолок.

– Что я говорил?! – его нижняя челюсть глухо стукнулась о грудную клетку, глаза беспокойно забегали.

– Уже и не помнишь? Значит, ты не хозяин своим словам? – её шёпот задрожал. – Нет, ты, правда, не помнишь?

– Каким словам, Олечка? Подскажи хоть малость, прошу тебя, – Новиков заволновался сильнее.

– Ах, так? Я так и знала! И чего наобещал – тоже не помнишь? И как руки распускал?

– Я? Наобещал? Когда, Олечка? – как ни крути, но подробностей перехода вчерашнего вечера в ночь он не помнил.

– Не придуривайся! – шёпот дребезжал, как старый проигрыватель. – Свины! Сволочи! Скоты! Вы все такие! Вам главное – упиться, и наплевать на человека, отшвырнуть его, как облезлую шавку!!!

– Кто ж мне наливал-то?!

– За что ты так со мной, Лёша, за что?! – слёзы хлынули водопадом Анхель.

В последние три месяца подобные диалоги стали повторяться не реже двух раз в декаду. Новиков, безусловно, сомневался в подлинности её слёз, но всё равно чувствовал себя, мягко говоря, поганом. В такие минуты он всякий раз клялся, что с выпивкой завяжет, но... Но больно уж вкусен был приготовленный Олечкой ужин, больно уж ласкала взор и слух злодейка-«Пшеничная», Олечкиной рукой наливаемая из вспотевшей бутылки в его стакан. И сопротивляться было бесполезно...

– Скажи, Лёша, ты меня любишь? – она повторила коронный вопрос.

– Я тебе сотню раз говорил, – в голосе Новикова вопила мольба о пощаде, но Олечка этого не заметила и зарыдала громче, размазывая косметику.

– Ну-у... ну, скажи, что любишь, скажи-и! – истощно заголосила она, готовая пасть на колени.

– Кончай дурить! Не люблю! Ты знаешь об этом, – Новиков и сам бы бросился на колени, только б от него отвязались. Несмотря на свою абсурдность, эти допросы имели свойство изрядно утомлять.

– У тебя есть другая! Ты любишь её сильнее, чем меня! – эта Олечкина фраза также прозвучала не впервые.

– Нет у меня другой, и никого я не люблю сильнее, – он не соврал: после таких «интимных» бесед какой-либо любви не захочется в принципе. Олечка аж в лице переменялась:

– Значит, это правда! Ты никого не любишь сильнее, чем меня! Я знала, Лёшенька, я верила! Скажи, миленький, почему ты так редко говоришь мне это прекрасное слово – «Люблю»? Не бойся, прошу, не прячь свою любовь! – она схватилась за Новикова, который опять пожалел, что когда-то научился говорить. Но слово – не воробей...

3.

– У-у! – воскликнули все трое. – Какие люди! Здравствуй, Олечка!

– Проходи, проходи, – вскакивая, засуетился Алексеев. – Садись... В смысле, присаживайся.

– Олючик! Пузырёк давай? – искренне нахально сказал Дужкин.

– Сейчас, радость моя, что-нибудь сообразим, – она по-матерински погладила наглеца.

В комнате впечатления от недавнего застолья ещё не сгладились. Но сегодня друзья ждали прихода девушки. Она блистала: распущенные каштановые волосы до талии, красная блузка и чёрные обтягивающие брючки делали её неотразимой ни в одном способном отражать предмете.

Из сумки Олечка выложила на стол банку китайской ветчины, пакет майонеза, плавленый сырок, пяток сваренных яиц и, традиционно, два

пузыря «Пшеничной».

– Ах, Олечка, ты – прелесть! – елеино просто-нало Новиков.

– Мы к твоему приходу тоже заготовились, – Дужкин тряхнул сумкой, в которой звякнула стеклотара, причём, не порожняя.

– И картошки начистили? Да? Ай, молодцы! – на Новиковском лбу появился помадный овал.

Когда стол был сервирован, Дужкин включил магнитофон. Шевчук запел про последнюю осень.

– Всем, всем наливай! – приказал Новиков.

– Мне не надо, – Олечка воспротивилась, но Алексеев уже отмерил ей «пятьдесят капель». Следующим стакан подставил Дужкин, но едва горлышко занеслось над его посудиною – бутылка вдруг выскользнула под стол.

– Эх ты! Ещё не пил, а руки дрожат, – произнесла Олечка.

– Алкаш, куды ж бечь! Да я и не пролил ни капли, – Алексеев вытащил из-под стола полный пузырь и налил остальным «до ватерлинии».

– За то, что мы – вместе! – выдал Дужкин...

– Между первой и второй... Олечка, где твой фужер? – Новиков налил себе ещё.

– Ой, не надо! Водки мне хватит, – проговорила девушка.

– Тогда пива? – обрадовавшись отказу, легко согласился Дужкин.

– Это можно, – сдалась она.

Новиков долго возился под столом с открывалкой, настолько долго, что гостя насторожила.

– Ой, какой салат вкусный! – вскрикнул сидящий слева Алексеев. – Олечка, ты сокровище!

Она взглянула с гордостью и благодарностью. Дужкин протянул ей стакан, полный несколько бледноватого пива.

– За тебя, Олечка! Хорошо, что ты есть на свете! – прочувствованно высказался Алексеев.

– Надо б ещё, а то ветчина посуху не ходит, – пробормотал Дужкин через пять минут.

– Мне хватит, – она затянула старую песню.

– Раззе тты... не хошь выпить... ить, шоб нам ишшо вместя сббрацца? – сказал Новиков.

– Надо, надо, – согласились остальные, и снова полный весьма светлого пива стакан с вызо-

вом смотрел на Олечку.

Ещё минут через пять Дужкин, кряхтя и пошатываясь, неуверенно встал.

– О-леч-ка! Злот-це! Я тож хчу выпить за тя! А то шо – эти за ття пили, а я – нет. Негодисца...

Новиков опять налил ей до краёв. Она схватила стакан с готовностью, забыв для порядку поломаться.

По истечении третьей пятиминутки Дужкин открыл вторую бутылку водки и наполнил все бокалы на треть.

– Олечка, твой ответный тост, – Новиков хотел рукоплеснуть, но промахнулся.

Она поднялась и вдруг резко потеряла равновесие. Шикарный нос клюнул бы прямо в опустевшую сковородку, не подставь Алексеев в нужный момент ладони.

– О-ой! – испуганно произнесла девушка. – Шо ж вы с мной сделали-то?! Ма-амчка!

– Верно! Пьём за то, шо мы сделали сёня с нашей любимой Олечкой, – перебил Алексеев. – А ты тож пей, солнышко! Теперь-то какой разниця?!

Через двадцать минут лишь воспоминания остались и от выпивки, и от закуски. Шевчук в магнитофоне затих. Алексеев нетвёрдой рукой вставил новую кассету. Воцарилась тишина.

– Чё ж он молчит? – спросила девушка, с трудом держа голову.

– А, наэрно, касет пустай. Над ваще ыключить ео нафих, – Алексеевская рука нащупала клавиатуру и шлёпнула по первой попавшейся кнопке...

– Лёш, курить пойдём? – позвал Дужкин.

– Да здесь давайте! Чё тащиться в такую даль? – возгласила Олечка, толкнув упёршегося лбом в стол Новикова. Последний тяжело рухнул на койку.

– Ты с нами не подышишь, солнышко? – спросил Алексеев.

– Алёш, мне хватит.

– Тогда я выйду: не могу курить в присутствии девушки.

– Смотри, Олечка, хорошо себя веди! – добавил Дужкин, уходя.

4.

Это в целом симпатичное лицо нынче сделалось ещё пленительнее: затуманенный взгляд

чуть раскосевших очей хранил интригующую таинственность, а ради такой аристократической бледноты кожи красавицам начала XIX века пришлось бы испить немало уксуса. Лишь великолепный нос после вчерашней попойки не претерпел изменений. Мысли – тоже, что, впрочем, неудивительно.

– Ты, конечно, опять не помнишь, чего мне наговорил? – обречённо начала она.

Новиков пластом лежал на своей койке, Олечка сидела у изголовья. Дужкин с Алексеевым по традиции курили в коридоре.

– Вот и нет, Олечка, сегодня-то я как раз всё помню, – отозвался Новиков. Сама-то ты ни о чём не забыла?

– Значит, это правда: теперь мы всегда будем вместе? – не слыша его, победно воскликнула девушка.

– Вместе, Олечка, вместе. Куда ж я без тебя? – участливо проговорил он, приподнимаясь.

Она собралась утопить его в объятиях, но Новиков увернулся:

– Погоди минутку, солнышко, я хоть музончик включу.

– Да здесь давайте! Чё тащиться в такую даль? – запел коварный прибор чьим-то до боли знакомым голосом.

– Ты с нами не подышишь, солнышко?

– Алёш, мне хватит.

– Тогда я выйду: не могу курить в присутствии девушки.

– Смотри, Олечка, хорошо себя веди!..

Магнитофон щёлкнул замком, хлопнул дверью, затем издал звук неясного происхождения и снова заговорил – тихо, но отчётливо:

– Прости меня, Алёша! Прости, если сможешь.

– А чё?

– Ты хороший человек, это я – дрянь. Я не могу больше, не могу!..

– Не можешь – туалет вон он.

– Прекрати, мне не до шуток. Подшепни, как оторвать кусок сердца? Я люблю его, слышишь, люблю!!! – магнитофон всхлипнул. – Я не могу без него жить! Я поняла, что без него буду несчастна. Прости меня, Алёшенька. Простишь?

– За что мне тебя прощать? Я-то тебе кто? Муж? Люби кого хошь, хоть облюбись.

– Как? Тебе всё равно? Ты так легко забыл всё, что у нас было?

– Имеешь в виду пьянки, слёзы и головную боль? Да-а, такое забыть невозможно!.. А кого ты любишь-то?

Магнитофон глубоко вздохнул и заговорил еле слышно:

– Кого люблю, тому я не нужна... Он на меня и не смотрит, и никогда не узнает, что без него сердце в ключья.

– Почему не узнает? Ты – чё, не скажешь ему?

– Я ему никогда не скажу об этом, потому что буду с тобой. Я не могу без тебя жить, Алёшенька! Тело просит тепла, но воображение подносит только тебя, и свет – клином! Я очень долго шла к тебе, очень много мозолей натёрла... В экий раз реву при тебе! Ненавижу тебя, петушина!

– Т-так, ты, это, для себя-то реши сначала, без кого именно ты не можешь жить, и к кому ты очень долго шла. Странная какая-то...

– Да, такая я, такая! – возопил магнитофон. – Неверная! Распутная я! И ещё – пьяная вусмерть. Да, я – пьяная распутница! Щас пойду и изнасилую первого встречного, и плевать, что будет завтра! Доволен? Это ты ждал услышать? Это?!!

Вместо ответа грянул хрюкающий храп.

– Лёша, Лёша, ты меня проводишь? Я ж одна не дойду, Лёша! Да очнись же ты! Ма-амочки!..

Заскрипела кровать, и сердитый стон Новикова мало отличался от этого скрипа:

– Т-ты кто? Мой сладкий сон! Шо вижу во сне – наяву приди ко мне! Окра-асился ме-есяц ба-гря-анцем...

Послышались тихие всхлипы, что-то зашуршало, и печальный Олечкин голос произнёс изда-лека:

– Алёш, Алексеев, проводишь меня?

– Тебя? Куда ж деваться! Пойдём!

Магнитофон умолк, и тут в комнату вошли Дужкин с Алексеевым.

– Ты всё обижалась, что я ничего не помню. Вот я вчера и подстраховался для памяти, – прогово-

рил Новиков, чеканя слова.

Олечка сделалась цветом под стать своей блузке, и первая нефальшивая слезинка скатилась по раскалённой щёчке. Наступило тягостное молчание.

– Ладно, шутки в сторону! – произнёс Дужкин, беря её руки в свои. – Прости нас, Олечка. Мы грубо пошутили. Явно хватили лишку. Прости!

– Не плачь, солнышко! – Алексеев погладил её волосы.

– Мальчики, отдайте мне кассету! Прошу вас! Хоть продайте её! – жалобно заскулила она.

– Как бы не так! – преодолевая охватившую жалость, ответил Новиков. – Давай-ка, посиди с нами, подсадив себя жизнь, у нас ещё пузырёк остался...

– Откуда? – она распахнула краснющие глаза, чей вид окончательно растопил сердца этой не самой святой троицы.

– Со вчерашнего, Олечка. Это ты давеча поллитру одна уговорила, да ещё пивком шлифанула. Мы-то водичку глотали, – пояснил Алексеев, робко опуская ресницы.

– Думаешь, случайно пузырёк под стол упал? Думаешь, зря... – бодро продолжил Новиков, но вдруг, взором встретившись с нею, прикусил язык.

Снова установилось молчание, но теперь – не столь тягостное. Медленно, словно повинуюсь приказу свыше, он присел перед девушкой и протянул к ней руки. Она плавно подалась навстречу ему, будто их невидимые внутренние магнитики наконец-то развернулись противоположными полюсами. И чуть слышно в этой тишине прозвенела тетива лука Купидона. Ментально оценив ситуацию, Алексеев безмолвно направился к выходу, красноречиво хлопнув Дужкина по плечу. Удаляясь, последний вынул кассету из магнитофона и тихонько засунул её в Олечкину сумку.

Сергей Дорохин

В творчестве никогда не ориентируюсь на какие-либо модные тенденции, не подчиняюсь каким-либо планам, не ограничиваю себя какими-либо рамками (уважая разве что рамки приличия) и принципиально избегаю тем, связанных с политикой и религией. За относительно недолгий срок творчества выпустил три сборника рассказов и роман «Три тысячи километров».

Настя Рустамова

Необычайной сложности выдалась осень в 2016. До сих пор будоражит болезненным холодом с алкогольными градусами тепла.

До сих пор звучит как самые известные песни «Старательно Рефлексирую» и «найтивыход». До сих пор на вкус как лимонный «Гараж», первый поцелуй с девушкой и отвратительный красный «Винстон», проданный без документов. До сих пор отяжеляет плечи — и как в её 91 день вместилось столько разочарований, прямо пропорциональных надеждам?

Пять лет промелькнули кадрами диафильма. И вот уже никто не говорит: «Тебе что, РЕАЛЬНО 15? На 20 выглядишь...». Мне и есть уже два ровных десятка. Я уже не хожу с жёлтым блондом. Не солю слезами обветренные ноябрём щеки под Земфиру. Не драматизирую каждое первое событие с гротескным упоением. Не делаю постыдных глупых ошибок в диких количествах (но не знаю, повод ли это для гордости: может, я лишь сделала выбор в пользу масштаба, а не числа). Теперь «Попытка ревности» Цветаевой для меня не просто чужие чувства наизусть, а голос собственного расколотого сердца.

Есть то, что не меняется, как бы ни утруждалось время. И я по-прежнему неровно дышу к дешёвому вину в пакете. Делаю всё в последний момент, корю себя и вновь бегу по порочному кругу. Коплю недосып и обещания встретиться «скоро, как только разберусь тут со всем». Вместо сна по ночам пишу стихи в стол и выдумываю грандиозные планы на жизнь, несопоставимые пока с реальностью. Всё так же не могу избавить свои тексты от анафор и инверсий. Всё так же не испытываю боли без надежды и без боли не надеюсь. Всё так же Старательно Рефлексирую. Живу.

30.09.2021

Вот ведь незадача-то: ночь глубокая, не первая бессонная за неделю, дедлайны горят, совесть начинает сама себя сгрызать, пока её хозяйка убивается злыми приколами собственной памяти.

Не зря же я говорю, что если бы была глазированным сырком, то непременно «Ностальгией», который с варёной сгущёнкой. Не в сгущёнке суть — хотя, говорят, мы обе с ней такие сладенькие и кому-то приторные — а в ностальгии. Было у меня в детстве хобби такое: каждый день ностальгировать. Прямо каждый, без выходных и перерывов на обед. Я не специально это делала, конечно, но всё было в высшей степени серьёзно. Мне было четыре года, пять, шесть, а потом и четырнадцать лет, и я бесконечно страдала от грусти по былому, хоть у меня того былого, по сравнению с былым нынешним, весьма немного имелось. Но не будем же мы бывшее обесценивать?

Мне казалось, я выросла, перестала такими самоистязаниями заниматься. Бросила свою дурацкую вредную привычку. Вот у кого сигареты, у кого ногти обкусаны, а у меня — ностальгия. Сегодня я сорвалась.

Давно мне так больно от песен не было. Случайно устроила акцию мазохизма, пока искала мелодию для видео (между прочим, по работе — я человек серьёзный

на целых 5%). Слушаю уже десятый трек из тех, что жили во мне летом. Или это я в них жила?..

И грустно неопишимо. Уже давно минувшее лето было слишком похожим на мечту, сон, сказочное приключение, вернее, оно этим всем и было. И я бы всё отдала, чтобы прожить его заново. Буквально каждый миг, без исключения каждый, даже из тех, что казались тогда непереживаемыми, сердцедробительными, душеразрывающими.

Мне так нужны сейчас дождливая «юность» дими бамберга на повторе, нежно-ледяное Онежское с бронзовыми закатами, сознательные глупости в знойном шуме Москвы, бессонные хмельные рассветы в чужих квартирах, небезоблачная, но светлая юная непринуждённость. Мне нужно снова ощущать каждую секунду, что я не совершенно счастлива и бескомпромиссно свободна. Как тогда.

Играет «Дыхание» Наутилуса Помпилиуса. «Я лежу в темноте». Наверное, когда грустно, лучше поплакать. Но слёз у меня нет. Ничего такого внутри нет. Только тоска и дедлайны.

10.12.2020

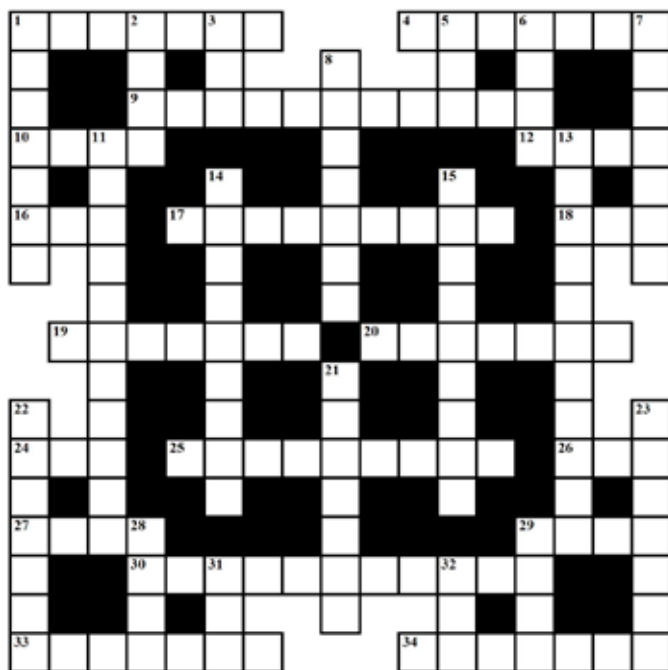
Всегда так внезапно врывается в череду бессовестно похожих друг на друга дней момент, когда выходишь из родной бетонной коробочки на оживающую улицу и поражешься неожиданной неизбежностью: ВЕСНА. Окончательная, совершенно бесповоротная весна уже с лёгким привкусом лета. Понятно, что не без календаря живём, какой день и месяц на дворе — в курсе, но все эти цифры и буквы совсем ни черта не значат, пока не почувствуешь их потенциальный смысл в воздухе.

Зимой (читай, с октября по март включительно, то есть всё время, что описывается словами на X: хмуро, холодно и хреново) воздух по ощущениям похож на ментоловую жвачку: когда температура, как положение дел бедных и не очень студентов на сессии, в заметном минусе, это обжигающая «прохладная мята», когда чуть теплее — «мята» обычная, или, если хотите, «сладкая», уже не раздражающая горло в первые секунды, но такая же ледяная.

А сейчас воздух — букет едва пахнущих цветов, такой же незаметно чудный для невнимательных неценителей, ярмарочный мёд, такой же густой и тяжёлый, но тем и привлекательный, дешёвый масляный краситель, такой же едковатый и вездесущий, потому что есть вещи уходящие и приходящие, а есть скамейки в парках, которые каждый год неизменно отвратительно красятся белой краской поверх облешего слоя прошлогодних нестараний.

И вот числа на настенном календаре и ощущение этого удивительной невероятности воздуха наконец звонко сталкиваются в голове и ты, до последнего, не веря собственному разуму, мысленно восклицаешь: «Неужели опять май?»

10.05.2020

Автор кроссворда: Просвирнов Александр

По горизонтали:

- 1. Поэма А.Пушкина.
- 4. Укрупненная заглавная буква раздела в книге.
- 9. Главный герой романа Ю.Трифорова «Нетерпение» как член тайной организации конца XIX - начала XX вв.
- 10. Персонаж романа А.Толстого, возлюбленный инопланетной царевны.
- 12. Имя губернского предводителя дворянства, воспитателя Ивана и Алексея Карамазовых в романе Ф.Достоевского.
- 16. Имя персонажа с «воздушно-метеорологической»

фамилией в романе И.Ефремова «Туманность Андромеды».

- 17. Родовое имение поэта А.Блока в Подмоскowie.
- 18. Тип селения, места насильственного содержания персонажей «Кавказского пленника» Л.Толстого.
- 19. Выдающийся английский писатель XIX в.
- 20. «Глупый» персонаж стихотворения-сказки С.Маршака.

24. Поэма А.Вознесенского.

25. Французский писатель-моралист конца XVII в.

26. Разновидность парнокопытного животного, часть названия автомобиля в романе И.Ильфа и Е.Петрова.

27. Каждая из «вечных странников» в стихотворении М.Лермонтова.

29. Уважаемый персонаж романа в стихах А.Пушкина.

30. Современная российская писательница, в основном работающая в жанре фэнтези.

33. Гражданский чин в царской России, данный Молчалину при содействии Фамусова в «Горе от ума» А.Грибоедова.

34. Имя дочери помещиков, соседей Евгения Онегина в романе в стихах А.Пушкина.

По вертикали:

- 1. Название судна из книги очерков И.Гончарова.
- 2. Пьеса-сказка Е.Шварца, основанная на сюжете сказки Андерсена.
- 3. Роман Л.Леонова.
- 5. Река, место действия известного романа А.Кристи.

6. Африканское кровососущее насекомое, которое помогло персонажам романа Ж.Верна «Пятнадцатилетний капитан» установить, что они оказались не в Южной Америке.

7. Имя княжны из сказочной поэмы А.Пушкина.

8. Сборник поэтических произведений Т.Шевченко, впервые изданный в 1840 г.

11. Русский советский писатель, автор романа «Железный поток».

13. Совокупность устойчивых оборотов речи и выражений, свойственных какому-либо языку.

14. Советский поэт и писатель, вынужденный отказаться от присужденной ему Нобелевской премии по литературе.

15. Выдающийся советский и российский поэт, при рождении Гангнус (по отцу), но взявший позже фамилию матери.

21. Хлебный город в повести А.Неверова.

22. Разбор и оценка литературных произведений.

23. Персонаж пьесы Н.Гоголя «Женитьба», прислуга.

28. Бывший супруг миледи в приключенческом романе А.Дюма.

29. Русский писатель, этнограф, лингвист XIX в., писавший под псевдонимом Казак Луганский.

31. Разговорное название города, в котором мечтал жить Остап Бендер в романе И.Ильфа и Е.Петрова «Золотой теленок».

32. Стихотворение в торжественном тоне.

Ищем авторов литературных кроссвордов

Друзья!

Вы можете предложить свой литературный кроссворд, который мы опубликуем в журнале.

Свои заявки вы можете отправлять на нашу почту: litra@litra.online с пометкой «Кроссворд»

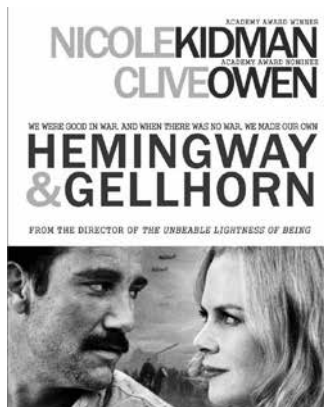
Ответы на кроссворд с фрагментами №3

По горизонтали:

5. Тендряков. 6. Так. 12. Канва. 14. Шляпа. 15. Яга. 16. Лир. 19. Шталь. 21. Глаша. 23. Ремарка. 25. Бианки. 26. Огниво.

По вертикали:

1. Бергсон. 2. Идиот. 3. Пятак. 4. Боярыня. 7. Аз. 8. Буян. 9. Сказка. 10. Калуга. 11. Гурд. 13. Алов. 14. Шеин. 17. Пьер. 18. Мгла. 20. Тэффи. 22. Шатов. 24. Арап.

Хемингуэй и Геллхорн (2012)

Hemingway & Gellhorn

Действие картины начинается в 1936 году в баре Флориды, где Хемингуэй и Геллхорн впервые встретились. К тому времени он уже был знаменитым писателем, она — одна из величайших военных корреспондентов XX века. Их пятилетний брак начался с поездки в Испании, где бушевала гражданская война 1936—1939 года. Геллхорн стала первой женой, подавшей на развод, а также вдохновившей Хемингуэя на написание самого знаменитого романа «По ком звонит колокол».

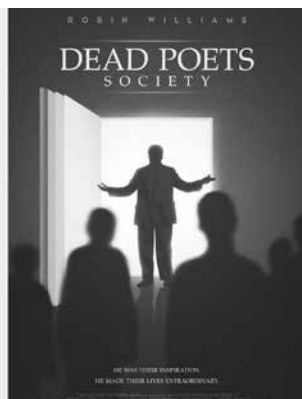

Последнее воскресение (2009)

The Last Station

Картина рассказывает о последнем периоде жизни писателя Льва Толстого.

Прожив долгую жизнь, устав от отчужденности и вражды в отношениях с женой Софьей Андреевной, в ночь на 28 октября 1910 года, в пятом часу утра с 39 рублями в кармане Лев Толстой тайно уехал из дома. Простудившись по дороге, он заболел воспалением легких и нашел последний приют на станции Астапово.

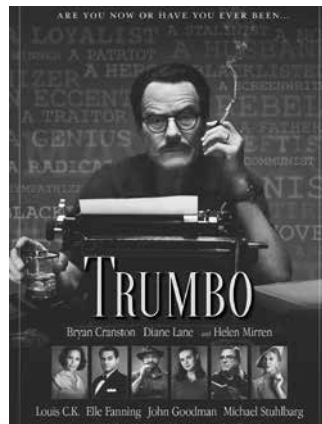

Общество мертвых поэтов (1989)

Dead Poets Society

Джон Китинг — новый преподаватель английской словесности в консервативном американском колледже. От чопорной массы учителей его выгодно отличают легкость общения, эксцентричное поведение и пренебрежение к программе обучения. Однажды он посвящает своих подопечных в тайну Общества мертвых поэтов. С этого момента каждый из учеников

старается обрести свой собственный голос в безликом хоре, взглянуть на окружающий мир, высоко подпрыгнув над серой школьной оградой.

Трамбо (2015)

Trumbo

В 1947 году талантливый и известный голливудский сценарист Далтон Трамбо был вынужден предстать перед Комиссией по расследованию антиамериканской деятельности, обвиняясь в приверженности коммунистическим взглядам. Отказавшись признать за собой какую-либо вину и доносить на своих товарищей, он стал одним из десяти кинодеятелей, которые попали в так называемый «Чёрный список» Голливуда. Они были осуждены на год тюремного заключения, а также им было запрещено в будущем работать в киноиндустрии. Однако, выйдя из тюрьмы, Далтон Трамбо продолжил заниматься любимым делом — писать киносценарии. Делать это ему пришлось тайно и под различными псевдонимами...

Литературный атлас

Конкурс на Литре

litra.online

ЛИТРА

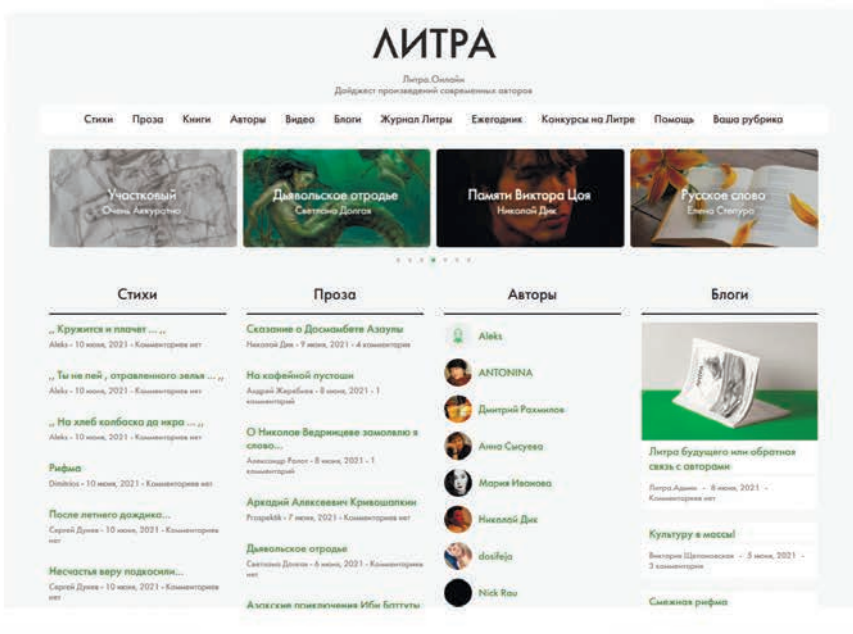
Онлайн-дайджест произведений современных авторов всех возрастов

Регистрируйся на сайте Литры

Публикуй свои стихи или прозу

Получай баллы за творческую активность

Трать баллы на анонсы в соцсетях Литры и публикацию в дайджесте

Присоединяйся к Литре
litra.online